

МОЗАИКА ПУТИ

Путь каждого из нас начинается задолго до того, как мы на него ступаем. И часто даже до того, как родился тот, кому его суждено пройти...

РАФАЭЛЬ МАЙ

16+

Рафаэль Май
Мозаика пути

«Автор»

2013

Май Р.

Мозаика пути / Р. Май — «Автор», 2013

Тусклая жизнь Эммы замыкается на монотонной работе в офисе и затворничестве в съемной квартире. В попытках изменить свою жизнь она неоднократно встречает противостояние в лице самой себя. Так продолжается до тех пор, пока она не отправляется на поиски незнакомца. Встреча с таинственным человеком приводит ее к собственной мечте, на исполнение которой она бросает все свои силы... Это история о чередовании событий и решений, определяющих путь к мечтам. Совершенно не похожие друг на друга люди отправляются на поиски себя и своего пути, не подозревая о том, как своими решениями изменят чужую судьбу.

© Май Р., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Эпизод вечности	6
Часть 5	7
Глава 1	7
Часть 1	8
Глава 1	8
Часть 2	9
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Рафаэль Май

Мозаика пути

В оформлении обложки использована иллюстрация <https://www.shutterstock.com/image-illustration/beautiful-eye-geometric-styling-abstract-background-221030971>

*Тысячи людей не смогут найти свой путь,
потому что кто-то еще не ступил на свой.
А кто-то не ступит на путь,
пока тысячи не пройдут свой до конца...*

Эпизод вечности

– Почему именно «Мозаика пути». Что скрывается за этим названием? – спросил журналист местной газеты...

– Мой путь был вымощен из мозаики, собрав которую я стал тем, кто сейчас дает вам интервью, – Нейл сделал паузу. – И этот путь начался, когда мне исполнилось девять. Я выиграл конкурс, который был организован Благотворительным фондом «Три Джи». И кто знает, давал бы я сейчас подобные концерты, не будь той победы...

Часть 5

Глава 1

– Мама, почему ты до сих пор не купила билеты? – Мелани остановилась напротив афиши. – Ты же обещала...

– Что я обещала? – Эмма рылась в сумке в поисках дребезжащего телефона.

– Ты обещала купить билеты, – недовольно буркнула Мелани. – Прошло уже две недели. Еще пару дней, и билетов будет не достать! Ты же знаешь, как я мечтаю побывать на их концерте. Это же легендарная группа!

– Эта? – Эмма взяла под руку дочь. – «Мозаика пути»...

– Ты хоть раз слышала их музыку? – девушка недовольно смотрела на свою мать. – Их диски продаются миллионными тиражами. На концертах полный аншлаг. Они собирают миллионы...

– И ты хочешь сделать их богаче на тысячу долларов? – Эмма усмехнулась.

– Между прочим, денежные средства, полученные от организации их концертов, отправляются в благотворительный фонд. Основатель группы – музыкант, Нейл Чедвик, он же композитор, изобрел музыкальный инструмент, который способен воспроизводить одновременно звуки барабана, дудука, гитары и рояля. Ты слышала, как он записывает музыку? Один звук подтягивается за другим, и эти мелодии не сравнятся с теми, в которых звуки разделены по инструментам.

– Нейл Чедвик? – переспросила Эмма.

– Да, – Мелани повторилась.

– Нейл Чедвик... Этому музыканту сейчас должно быть около двадцати пяти, – Эмма посчитала на пальцах.

– Вот откуда ты знаешь, если совсем не интересуешься этой группой и даже не хочешь идти на их концерт.

– Почему же не хочу? – возразила Эмма. – Мы прямо сейчас купим билеты...

Часть 1

Глава 1

Вы должны понимать, какое ответственное решение сейчас принимаете, – сказал доктор. Ева молчала.

Женщины с подобными проблемами рожают здоровых малышей, – настаивал он на своем. – И вы не будете исключением.

Вы ведь мне сами говорили, что у ребенка может развиваться патология.

Вероятность родить ребенка с отклонениями, безусловно, существует и не только в вашем случае. Однако она не намного больше, чем у совершенно здоровых матерей... И как ваш врач я настаиваю на том, чтобы вы сохранили ребенка.

Если я не смогу выносить его здоровым...

Я лишь хочу, чтобы вы понимали, что зачатие ребенка после перенесенной вами операции да еще и аборта, который вы хотите сделать, будет крайне проблематичным. И я не могу гарантировать, что вы сможете стать матерью.

Но...

Давайте с Вами договоримся, что вы еще раз хорошо подумаете. В конце концов, под тщательным наблюдением врачей, вы выносите малыша, который потом прочит вас за то, что вы сомневались.

Часть 2

Глава 1

* * *

Я жила только три дня в неделю – с пятницы по воскресенье. Да и эти три дня сложно было назвать настоящей жизнью в полном смысле этого слова. Если честно, я так и не поняла, какой должна быть жизнь, чтобы ощутить, что живешь. Первые четыре будничных дня я проводила в душном офисе на нелюбимой работе, которую сама выбрала. Это были самые долгие дни. Иногда даже казалось, что вечность была короче. Каждый день начинался с того, что до обеда я отсчитывала часы, а после обеда – минуты. За это время, как я была убеждена, можно было изменить себя и весь мир, как минимум, три раза, но я ни разу не воспользовалась этой возможностью. Даже если бы у меня и было это время, я ничего бы не сделала – в этом было мое бессилие – я мирилась с реальностью, вместо того, чтобы ее корректировать.

Все дни моей жизни были похожи друг на друга. На вопрос, что произошло в ней в понедельник, вторник, среду или четверг, ответ был бы определенно одинаковый. День начинался с того, что около часа я пыталась открыть глаза, и из-за этой своей особенности я всегда заводила будильник на час, а иногда и на полтора раньше, но ни разу за все время я не встала сразу, как раздался звонок. Я умывалась, готовила себе завтрак. Опаздывая на работу, я мчалась по улице с мыслью, что завтра обязательно встану раньше, но на следующее утро глаза я открывала лишь, когда с десятиминутным интервалом будильник звонил в шестой раз. Оказавшись на работе, я приступала к расчетам. Моей работой были цифры, и это все при том, что с детства я ненавидела математику во всех ее проявлениях, будь это алгебра или геометрия, а в университете она и вовсе стала для меня кошмаром. К обеду цифр становилось все больше и больше, и мне это претило. От них меня клонило в сон, который подступал все ближе и ближе, требовалось немало усилий, чтобы не закрыть глаза и не уснуть. После обеда слабость становилась сильнее, и противостоять ей было почти невозможно.

Большинство людей многое бы отдали, чтобы иметь то, что было у меня, ведь мне удалось добиться того престижа, о котором мечтают все школьники и к которому стремятся все амбициозные студенты. Стабильная работа в крупной организации, хорошая зарплата – это те ценности, которые прививали родители, заботившиеся о моем будущем. Они хотели, чтобы я могла позволить себе то, что не могли позволить себе они в свое время. И я была им очень благодарна за это. Но сейчас, сидя в офисе, который был нагрет до предела, я думала о том, что все это мне совсем не приносило радости, но винить я никого не могла – ни своих отца и мать, ни себя, разве что общество, которое навязывает стереотипы, не позволяя выбрать нужный путь.

Сегодня как раз была пятница – мой самый любимый день недели. Его я любила даже больше, чем субботу и воскресенье, потому что именно в этот день я жила в предвкушении того, что, наконец, выспавшись, я восстановлю силы. В пятницу я обычно планировала, чем займусь в выходные, хотя так же, как в случае с будильником, я ни разу не выполняла то, что задумала. А вечером в воскресенье я снова ловила себя на мысли, что проведенные дни оказались абсолютно бесполезными, и в многочисленных попытках заняться чем-то действительно интересным я, как всегда, отступала перед слабостью, которая никогда не проходила. Может, это была лень, которая трансформировалась в слабость. Так или иначе, это делало мою жизнь невыносимой. Сотни событий, которые могли бы случиться, не случались. Миллионы встреч, которые могли состояться, не состоялись.

И я снова начинала обманывать саму себя, обещая, что с понедельника непременно начну новую жизнь. Буду с усердием работать, пока не покажу результат. Займусь спортом, чтобы

всегда быть в приподнятом настроении. Буду много читать, чтобы знать больше, чем знаю сейчас. Буду рисовать, потому что у меня это неплохо получается, ведь только в рисунке я могу выразить всю экспрессию убитой страсти к жизни. Примусь за хиромантию, чтобы читать судьбу по линиям рук. Буду учить иностранные языки, ведь я хочу объехать весь мир... Я не была человеком, которого ничего не интересовало, напротив, меня увлекали миллионы вещей, но ненадолго, буквально до того момента, когда я твердо решала, что всерьез за что-то возьмусь. И я даже бралась, начинала что-то делать и даже делала, но всегда бросала, и совсем не потому, что теряла к этому интерес, просто потому, что не могла заставить себя продолжить. От этого желание и интерес к чему-то становились лишь сильнее, но несмотря на это, я не находила в себе сил, чтобы снова взяться за дело.

Так я перестала управлять собой, и в этот самый момент я перестала управлять своей жизнью. Я превратилась в человека, который ни на что не был способен. И самое ужасное для меня было осознавать это, ведь мысль о своей беспомощности меня не покидала ни днем, ни ночью. Засыпая с идеей перевернуть свою вселенную на следующий день, утром я понимала, что план по укрощению своей собственной жизни придется отложить на пару дней, а вечером по традиции ругала себя за отсутствие силы воли.

Я даже заводила блокнот, в котором планировала свой день, неделю, жизнь. Планировала, но недолго. Ведение ежедневника я забрасывала еще быстрее, чем все остальное. Я придумывала себе наказание за невыполнение или отклонение от своих замыслов. Но даже наказать себя я не могла. Я продолжала бороться, но борьба протекала только в моем сознании, в жизни все оставалось по-старому. Оставалось только смириться, но я не могла этого допустить. Я не хотела превращаться в амебу, но уже давно чувствовала себя простейшим. В моей жизни были одни «но», также часто встречались «если», и практически отсутствовало настоящее время с восклицательным знаком в конце.

Двадцать пять лет моей жизни прошли в сражении с собой. В сражении, в котором я ни разу не вышла победителем. Я проигрывала себе, потому что уступала не своей внутренней силе, а своим слабостям. Так, со временем у меня не осталось сил даже для того, чтобы заниматься тем, что по-настоящему нравилось, что увлекало. Я просто наблюдала, как другие занимаются тем, что нравится мне, и, молча, завидовала их успехам...

* * *

Сегодня, нажимая на клавиши своей клавиатуры, я чувствовала, как этот звук отражается в моей голове, которая раскалывалась от невыносимой боли, ставшей моим спутником в последние недели. Практически ни одного дня не обходилось без таблеток, от которых боль на время отступала. К сонливости и головной боли добавлялась слабость в мышцах. Мне хотелось встать, пробежать пару кругов, чтобы привести себя в тонус, которого у меня совсем не осталось.

До конца рабочего дня было меньше двадцати минут. Я уже разложила по папкам все свои документы, протерла со своего рабочего стола пыль, собрала сумку, поправила макияж и приготовилась бежать, но стрелки не двигались. Время не просто тянулось, оно застыло. Я посмотрела на часы, на которых было без двадцати пять, сходила в приемную к директору, сполоснула чашку, из которой пила кофе, вернулась на свое рабочее место, а стрелки все также показывали без двадцати пять. Тогда меня посетила мысль, что время – это вовсе не то, что показывают нам стрелки часов. Время – это то, что проецирует наше сознание в жизни. Если разум проходит через вечность, то и в жизни пролетают не минуты. На работе мой разум погрузился в бесконечность. Тут в офисе за час пролетали годы. Время их сжигало в небытие. Я проживала бесполезные часы, а мое сознание проносилось через десятки бесполезных лет.

Я искала себе занятие на оставшиеся двадцать минут, но не могла себя заставить не смотреть на дисплей телефона, на стену, рабочий стол компьютера – словом туда, где не могла бы увидеть циферблат часов. Осталось всего десять минут, после чего начался обратный отсчет.

Наконец, этот долгий день подошел к концу вместе с рабочей неделей, и я, схватив в руки сумку и кожаную куртку, которую решила накинуть прямо по дороге, лишь бы ни минуты не задерживаться в кабинете, побежала прочь из офиса. Мне не нужно было быть ясновидящей, чтобы предсказать, что коллеги непременно начали обсуждать, куда же я так тороплюсь. Мне было все равно, потому что на этой неделе я ненавидела свою работу. Не скрою, что бывали времена, когда она казалась вполне сносной и терпимой, иногда даже нравилась, но это было крайне редко. Оказавшись на улице, я вдохнула осеннего запаха, который почему-то напомнил мне весенний май – мой самый любимый месяц и, несмотря на желание прогуляться по набережной, я все равно отправилась домой, хотя никаких важных дел меня там не ожидало.

Я почему-то торопилась. Это вошло в привычку. Утром я спешила на работу, потому что опаздывала, а обратно – потому что ненавидела работу. Несмотря на те чувства, которые она у меня вызывала, я не прикладывала ни малейших усилий для того, чтобы сменить род деятельности и заняться тем, что будет по душе. Жажда перемен не отменяла страха, который я испытывала при мысли, что что-то придется начинать заново. Меня бросало в дрожь от одной мысли, что нужно найти свой путь и пройти его. Но что значило «свой»? Лишь то, что мне нужно было начинать с самого начала. Но у меня не было уверенности в том, что это придется сделать лишь однажды. Что если избранное во второй раз направление снова окажется не тем, мне придется снова выбирать – в третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой раз. Я боялась совершить ошибку. Самое страшное было снова оказываться в точке отсчета, ведь я не знала, где и когда будет конечный пункт. Тогда я не понимала, что до тех пор, пока я могла что-то начинать, я могла пользоваться самой главной привилегией своей судьбы... Лишь через год я встретила человека, который заставил меня поверить, что самое интересное бывает лишь в самом начале, самое захватывающее – в середине пути, и самое непредсказуемое – в конце. Поэтому любой путь стоит того, чтобы его пройти, даже если он не принадлежит тебе.

* * *

Я была дома уже через полчаса. Наконец, я сняла с себя неудобную обувь и легла на диван. Я не торопилась стягивать с себя одежду, которую была вынуждена носить из-за дресс-кода. Я закрыла глаза и на минуту представила, где бы я сейчас могла быть, если бы не была собой. Но, разомкнув веки, я снова вернулась к реальности, которая существовала независимо от моих мыслей и желаний. Я посмотрела на свою рабочую униформу, которая напомнила мне, что моя жизнь была чем-то средним между белой рубашкой и черными брюками, и решила, что мне нужно непременно чем-то заняться. Но из того, что я могла выбрать себе в качестве пятничного занятия, ничего не пришлось по душе.

Я, как обычно, включила музыку в надежде, что она меня вдохновит. Я была меломаном без особых предпочтений в стилях и направлениях и слушала ее всегда и везде – когда просыпалась, готовила себе завтрак, шла на работу и возвращалась домой. Музыка освобождала мой разум от оков действительности. Раньше она пробуждала во мне внутреннюю энергию, но только до тех пор, пока та окончательно не угасла. Я начала двигаться в такт арабским барабанам, претворяясь очаровательной исполнительницей восточного танца. Схватив лежавший на кресле голубой платок, который я обычно использовала в качестве шарфа, я повязала его на бедра и принялась трясти животом, которого у меня никогда не было. Увидев, как жалко я смотрюсь в отражении зеркала, я решила, что образ восточной красавицы совсем не по мне, по крайней мере, сегодня. Мои движения были чрезвычайной неуклюжи, мое тело не могло слиться с музыкой, поэтому со стороны я выглядела так, как будто у меня был спазм в мышцах.

Не желая больше смотреть на себя в отражении, я снова оказалась на диване, возле которого последние пять лет протекала моя жизнь. В семнадцать я не могла бы и подумать, что русский Обломов станет героем моего времени. И уж никак не могла предположить, что этим Обломовым стану я. Мне стало противно. Я была беспомощна сама перед собой. И тут началось то, чем обычно заканчивалась борьба с ленью, я начала придумывать себе оправдание,

почему я не могу пойти и приготовить себе вкусный ужин, прогуляться в парке или сходить поплавать. Я все валила на усталость. Не отрицаю, что она давно превратилась в хроническую, но все же она не была поводом, чтобы ничего не делать. Мне позвонили друзья, которые пригласили покататься на роликах, но я им отказала, снова свалив все на тяжелую неделю и плохое самочувствие.

Я абсолютно не знала, что делать. Перепробовав сотню способов борьбы с ленью и укрепления силы воли, развития энергии, я не нашла ни один действенный. Я перерыла весь интернет в поисках различных тренингов, пересмотрела сотни статей психологов. Ко всему прочему я не нашла в себе сил, чтобы дочитать хотя бы одну из них до конца. Я смогла сделать лишь один вывод из всего прочитанного, услышанного и увиденного. Мне определенно не хватало стимулов. И я не имела ни малейшего понятия, какими должны быть эти стимулы, чтобы я, наконец, перестала быть растением, которое никогда не цветет.

Я начала отжиматься, но мне не хватило сил. Я начала медитировать, но мне не хватило терпения. Я начала читать книгу, но мне не хватило желания. И так всегда, мне либо чего-то не хватало, либо что-то отвлекало. Я безумно разозлилась на себя, и поэтому легла спать. В последнее время именно так я решала все проблемы, потому что это был единственный способ, который не требовал от меня никаких усилий и не заставлял меня думать.

* * *

Я проснулась. Открыв глаза, я увидела, что на улице уже темно. Я включила лампу, которая стояла на тумбе возле моей кровати и посмотрела на часы. Время было около одиннадцати. Судя по тому, что чувствовала я себя крайне бодро, день для меня только начинался. Я потеряла глаза, которые щипало от яркого света лампы, и стала вспоминать, что мне снилось. Делала я это уже примерно около года, но, как и год назад, сегодня мое сознание видело лишь черную заставку. Сны окончательно перестали мне сниться. Раньше за те несколько часов, которые я им отводила, я летала, сочиняла музыку и зарифмованные тексты песен, которые на утро всегда забывала, но каждый раз оставалось ощущение целой отдельно прожитой мной жизни. Таких жизней было много. Также много было и цветов, намного больше, чем в дресс-коде, которому я вынуждена была придерживаться. Со временем сны утратили цвет, исчез сюжет. Наутро всплывали лишь отдельные эпизоды. Потом я вовсе перестала их вспоминать, но всегда знала, что мне что-то снится. А теперь в моем сознании ничего не оставалось, потому что я ничего не видела.

Повалявшись в кровати минут двадцать, я выдвинула еще одну гипотезу причин моего стремительного угасания, именно угасания, ведь жизнь постепенно покидала меня, превращаясь в прошлое без будущего. Виной всему могла быть плохая наследственность. Я ни в чем не винила родителей, но у них определенно не было гена счастья. А вот сглаз или какое-нибудь проклятие вполне могли передаваться по наследству.

Итак, всего на секунду предположив, что на меня кто-то мог наложить проклятие, я даже не думала, что эта идея может так глубоко проникнуть в мою голову. Я почти помешалась, начала искать ответы во всемирной паутине и вдоволь начитавшись самых разных статей, приступила к поиску людей, которые могли бы рассеять мои сомнения. Найти их оказалось не так просто. Начала я с раздела объявлений в бесплатной газете, которую мне раз в неделю доставляли по почте. Через десять минут, я вычеркнула первые четыре номера, и решила не продолжать. Шарлатаны предлагали услуги приворота, отворота, снятия порчи, сглаза и проклятий за скромное я бы сказала символическое вознаграждение, на которое не хватило бы даже моей не такой уж скромной зарплаты. Я снова обратилась к интернету и наткнулась на сайт, в котором шли бурные обсуждения и обмен опытом. Я читала сообщения одно за другим и делала пометки у себя в блокноте.

В переписке на форуме я обратила внимание на то, как несколько человек восторженно рассказывали про какого-то старика, который несколько лет жил почти в полном отшельниче-

стве. Как я поняла, никто не знал, как до него добраться – жил он в такой глуши, что не каждый решался отправиться на его поиски, но те немногие, кому доводилось с ним встречаться, ни разу не пожалели. Денег он ни у кого никогда не брал, что вызывало во мне доверие. О нем говорили много, но ничего по существу. Практически никто не затрагивал тему, чем именно он так им помог, но заочно от души благодарили за то, что он указал им на какой-то путь. Тогда я твердо решила, что мне тоже нужно найти свой путь, и в этом вопросе стоит положить на старика, о котором впервые узнала лишь сегодня. Я зарегистрировалась на форуме и спросила, как до него лучше добраться. Спустя час, я получила ответ, на который совсем не рассчитывала.

– Он сам встретит тебя, – прочитала я вслух и повторила фразу несколько раз, пытаюсь уловить ее смысл. Но фраза не становилась логичней ни во второй раз, как я ее повторила, ни в третий, ни в четвертый. Но более логичного ответа ни от кого не последовало. Единственное, что мне оставалось, найти его самой, но для этого мне нужно было хотя бы знать, как его зовут. Я снова задала вопрос, на который также был дан малозначительный ответ:

– У него нет имени, – причем сообщение было отправлено почти в ту же секунду, как только я спросила, как будто кто-то ждал, когда же я задам этот вопрос, чтобы тут же на него ответить. – Его знают все, но никто не знает, как его зовут.

Я долго смотрела на экран монитора, пытаюсь уловить ход мыслей человека, который отвечал мне. Его ответы были загадочными, поэтому тип по ту сторону экрана казался мне подозрительным. Хотя ник его был не столь оригинальным, как сообщения. Именовал он себя Юпитером. На фоне тогдашних гостей сайта, называвших себя пчелами, лампочками и дэвилами, он, определенно, не особо выделялся. Я заметила, что до этого он ни разу не оставлял сообщений, но решила не связываться с ним и даже не отблагодарила, хотя собственно мне и не за что было его благодарить.

– Ладно, обойдусь и без вашей помощи, – я недовольно буркнула себе под нос и закрыла страницу. – Итак, посмотрим, где находятся Холи Форест. Ну что ж не так уж и далеко.

Я отметила на карте путь, по которому мне следует двигаться, прикинув, сколько времени займет дорога туда и обратно, включая поиск того, о ком я ничего не знаю. По моим расчетам получалось, что если выехать завтра около восьми утра, то вечером в субботу я уже снова буду дома и воскресенье смогу посвятить борьбе с ленью, в которой снова проиграю, ведь я была непобедимым чемпионом только в одном деле – деле ничегонеделания. Моя решимость сейчас казалась непоколебимой, но я слишком хорошо знала себя, чтобы свято верить в то, что такой же непоколебимой она останется и завтра. Я понимала, что как только наступит утро, идея, которая вдохновила меня ночью, покажется мне бредом. Я также знала, что самым худшим из возможного может стать то, что завтра я не найду в себе сил, чтобы отправиться в путь, отложу поездку до следующих выходных, потом еще на неделю, потом оставлю поиски своего пути до отпуска и так до тех пор, пока окончательно не забуду о своем замысле. Сейчас тоже было поздно отправляться в дорогу, но впервые в жизни я решила сделать что-то сразу, не откладывая на потом. Я понимала, что приеду туда, когда время будет за полночь, и в любом случае поиски старика без имени начну только завтра с рассветом. Но завтра у меня уже не будет выбора и так или иначе мне придется завершить то, что я начала. Хотя, конечно, я всегда могла найти пути для отхода, но делать этого я бы не стала, потому что кое-то принципы у меня все-таки были.

Чувствовала я себя бодро, особенно, если сравнивать с тем, что было до того, как я уснула. Я решила, что этих сил мне вполне хватит, чтобы добраться хотя бы до пригорода. Я оделась поудобнее, нацепив на себя джинсы, футболку, кроссовки и ветровку, словом, я была готова к походу по лесу, где, как я и предполагала и живет этот самый старик. Я прихватила с собой плед на случай, если в машине будет холодно спать, но сама надеялась, что он не понадобится, и карту. Не знаю, почему я решила взять карту, в машине у меня был навигатор, который

с легкостью справлялся с любым маршрутом, главное было знать конечный пункт прибытия, который я почти знала. Я бы прихватила с собой и компас, но дома я его не нашла, поэтому решила, что в сторонах света буду ориентироваться по тем признакам, которым нас учили в школе. Вот только я не учла один маленький, но, как оказалось впоследствии, довольно существенный момент: я помнила лишь одно – мох растет на северной стороне. Но тогда я решила, что была вооружена знаниями до зубов. Я открыла дверь и собиралась выходить, как меня что-то кольнуло прихватить с собой фонарик и спички.

– На всякий случай, – прошептала я, в уме подумав, что, наверняка, мне ничего из этого не понадобится.

Я еще раз проверила, все ли взяла, чтобы не возвращаться домой. Не могу сказать, что я была суеверной, но на знаки судьбы я всегда обращала внимание. А учитывая, что ехала я почти в никуда неведомо к кому, примета могла бы принять смысл, которому бы я не хотела придавать значение. Я выключила везде свет и закрыла за собой дверь. Тогда я еще не подозревала, что в следующий раз открою ту же самую дверь, но в уже абсолютно новую, другую жизнь – жизнь своего пути.

* * *

Я вышла на улицу, где была припаркована машина. Решив не складывать вещи в багажник, я закинула плед и сумку на заднее сидение, а фонарик бросила в бардачок. Я проверила, все ли документы при мне, как будто собиралась не за город, а за границу. Убедившись, что все на месте и можно смело отправляться в путь, я повернула ключ зажигания и дала по газам, включив музыку, которая магическим образом действовала на меня. Слушая искрящиеся их динамиков звуки, я поворачивала налево и направо, как велел мне навигатор.

Примерно через час фонари ночного города заменила полуночная мгла. Света становилось все меньше и меньше. Было около половины третьего, когда дорогу окончательно поглотила тьма, и лишь луна подсвечивала мне ее. Торопиться было некуда, поэтому стрелки спидометра едва перевалили за восемьдесят. Мне нравилась сама дорога, сам путь в неизвестность. То немислимое ощущение, которое я тогда испытывала, было ни с чем не сравнимо. Я знала, что завтра утром не будет той магической загадочности, которая была в этой ночи, потому что именно завтра я скептически взгляну на свой поступок, который хотя и не был таким уж безумным, но и наполненным смысла я бы его тоже не назвала. Я ехала, жалея, что путь, который я должна проделать такой недолгий. Я страстно желала, чтобы дорога была длиннее хотя бы на пятьдесят миль.

Внутри меня сплетались в морской узел канаты противоречий: я хотела и скорей найти старика, и в то же время страстно желала оттянуть момент этой встречи. Я не имела ни малейшего представления, где мне искать, и кто сможет мне помочь, но почему-то была уверена, что если он существует, то должно найтись немало тех, кому о нем известно. Я даже не знала, как его называть – провидец, предсказатель, колдун, медиум, но представляла, что увижу заброшенный домик где-нибудь в лесной глуши, куда ни один здравомыслящий человек не решится пойти. Любой здравомыслящий, конечно, кроме меня. Представила, как открою скрипящую дверь, войду в дом и буду нерешительно делать шаги по зловеще скрипящим полам, а потом встречу одичавшего, седого старика с глубокими морщинами на лице. А дальше мой разум бежал от моей фантазии на той же скорости, что и я удалялась от города. Мысли, которые приходили в голову, никак не могли в ней уложиться. Казалось абсурдом, что старик будет гадать на таро, кофейной гуще, входить в транс, взывая к духам. Но ничего больше мне на ум не приходило. Я даже не знаю, с чего я взяла, что он вообще будет предсказывать мне будущее.

– Он укажет путь, – сказала я вслух. – Это не значит, что он мне его предскажет.

Меня начало клонить в сон, но кругом были леса, и делать остановку прямо тут мне не хотелось. В глазах стало мутно. Если бы я не притормозила, то заснула прямо на дороге. Я взглянула на навигатор, и увидела, что до Холи Форест осталось меньше десяти миль. Собрав

все свои внутренние силы, которых было не так уж много, я прибавила скорости, решив, что преодолю это не такое большое расстояние и уже там высплусь.

Спустя еще немного времени я увидела одинокие огни. Через минуту эти голубые фонари размножились в темноте и на въезде под светом ближних фар засветилась вывеска «Холи Форест». Через метров пятьдесят я увидела почти снесенный указатель на ночлег. Повернув налево, как он указывал, я заметила небольшой угрюмый домик, с табличкой «Мотель». Света не было ни в одном окне, но взглянув на часы, я тут же нашла логическое тому объяснение. Я заглушила мотор, приоткрыла дверцу машины и подошла к входу. Дверь была заперта. Я постучала несколько раз, пока на кулаках не появились ссадины. Ко всему прочему неотесанная дверь посадила мне занозу, которую в темноте было не достать. Я перепрыгнула через две ступеньки, которые отделяли меня от земли, и совсем рядом увидела круглосуточное кафе. Понимая, что для ужина было поздновато, а для завтрака рановато, я решила перекусить, ведь урчание в животе все равно не дало бы мне уснуть. Через минуту я оказалась внутри, там было довольно уютно для придорожной забегаловки и совершенно пусто. Лишь за барной стойкой официантка протирала чашки.

Я пробежалась по меню и решила ограничиться хот-догом и чашкой чая. Пока мне готовили легкий почти «диетический» завтрак, я смотрела в окно, в котором пыталась разглядеть дома, но кроме своего отражения практически ничего не видела. Тогда я сфокусировала свой уставший взгляд на себе. Не знаю, что изменилось во мне во время дороги, но я себя не узнавала. Как будто встретились две меня, но ни одной из них не была та, что осталась бы лежать дома и ничего не делать. Мне казалось, что я встану на свой путь не в тот момент, когда мне укажет на него старик. Я была уверена, что уже начала этот путь. Начала его тогда, когда собрала себя из сотни кусочков энергии, разбросанных повсюду, и превратила их в движущую силу, которая заставила меня приехать сюда.

– Ваш чай и хот-дог, – я заметила отражение официантки в стекле. – Приятного аппетита.

– Извините, – терять мне было нечего, поэтому я решила спросить, известно ли ей о старике. – Вы не поможете мне?

– Да, конечно, – она достала из кармана фартука блокнотик и ручку, очевидно, полагая, что я еще что-то хочу заказать и сделала вопросительный взгляд.

– Нет-нет, – я не знала, как сформулировать свою мысль, чтобы меня не приняли за сумасшедшую. – Я ищу одного человека... Я слышала, он... Помогает людям...

– Вы про старика? – женщина убрала блокнот обратно.

– Да, про того, что предсказывает будущее, – я уточнила на всякий случай.

– Я не знаю, предсказывает он будущее или нет, – девушка усмехнулась. – Ну, вообще я слышала, что это человек-легенда.

– Что это значит?

– Его никто никогда не видел...

– Но я слышала...

– Вы не первая, кто приезжает сюда за тем, чтобы он указал путь, – очевидно, она уже не раз слышала эту фразу. – Но, к сожалению, никто здесь вам не укажет путь к самому старику.

– Никто? – переспросила я, будучи уверенной, что именно слухи меня приведут к нему.

– Никто, – официантка вернулась за барную стойку и разговоривала со мной уже оттуда. –

Кто-то скажет вам, что он помогает немногим, а только тем, кто действительно в этом нуждается. Кто-то скажет, что он давно умер, а живой осталась лишь легенда о нем. Найдутся и те, кто попросит у вас денег за то, чтобы отвести вас к нему, но на самом деле обведет лишь вас вокруг пальца. Те, кому он действительно помог, никогда не скажут вам об этом.

– Почему никогда не скажут? – поинтересовалась я.

– Я живу здесь больше пяти лет, – ответила девушка. – Те, кто ничего здесь не нашел, всегда уезжали, поливая грязью весь свет. Но я видела и тех, кто так же, как и вы, искали ста-

рика. Их машина могла стоять здесь по несколько дней. Многие возвращались спустя неделю, собирали свои вещи и отправлялись обратно домой, никому не сказав ни слова.

– А вы сами верите в его существование? – спросила я.

Она улыбнулась.

– Я лишь могу указать туда, откуда возвращались люди, которые никогда не расскажут вам, где побывали.

– Я буду вам очень благодарна, – я уже и забыла о своем хот-доге, который, как и чай остывал на тарелке.

– Тогда приходите сюда утром. Или вы планируете прямо сейчас отправиться в лес?

– Все-таки придется идти в лес? – этот вопрос был адресован не официантке, но она все равно решила на него ответить.

– Ну, начать придется с него, а куда вас выведет дорога, если вы ее найдете, я не могу сказать, – она выписала чек и, оторвав его, положила рядом с чашкой.

– Вы не подскажете, где я здесь могу заночевать? Я видела на углу мотель, но, – я не стала договаривать, когда увидела, как она закачала головой.

– Его выстроил хозяин дома, который расположен примерно в пяти милях к северу отсюда. Его зовут Джейкоб Вуд. Он поставил бизнес на этого старика. Года два назад люди ехали сюда толпами, надеясь, что встретят тут чудо-человека, который решит их проблемы. Но никому так и не удалось его отыскать. Слухи о том, что все это выдумка, разлетелись далеко за пределы этого города. И приезжающих заметно поубавилось. Еще несколько месяцев сюда заносило тех, до кого не дошла молва, а потом не стало и их. Расходы на содержание мотеля стали больше, чем прибыль, которую Джейкоб получал от него, поэтому сейчас вы вряд ли найдете, где заночевать. Мы работаем круглосуточно, так что можете подремать здесь.

За разговором у меня совсем пропал аппетит, я пару раз откусила хот-дог и отхлебнула холодного чая. Ночевать в кафе мне не хотелось, я предпочла мучиться в машине под пледом. Достав из кошелька пару купюр, я решила оставить доброжелательной и отзывчивой официантке щедрые чаевые, которые раза в четыре были больше суммы заказа, который я сделала.

– Спасибо, – сказала я, оставив деньги на столе. – Значит, до завтра?

– Договорились, – она кивнула головой.

Я вышла на улицу и посмотрела на богатую ночную панораму: фиониты звезд рассыпались на небосводе, на севере завис бриллиант полярной звезды, а прямо надо мной мерцала лунная бирюза. Легкий, теплый для этого времени года ветер путал мне волосы. Я собрала их в пучок и скрепила единственной шпилькой, которую нашла в кармане ветровки.

Я подошла к машине, достала плед и, накинув его на себя, села на капот, приняв позу лотоса. Я слушала ночь, которая прислушивалась к моим мыслям. Опустив веки, я с закрытыми глазами взирала на небесные светила. Я чувствовала, как на меня давит небо, расслабляя все мое тело до такой степени, что разомкнулись пальцы сжатых в кулаки рук...

* * *

Я почувствовала, как по моему лицу скользят холодные капли. Еще не открыв глаза, я увидела, что на улице стало светло. По сменившему тишину шуму и голосам я поняла, что самое время для подъема. Я с трудом открыла опухшие глаза и увидела в пяти метрах от себя местных жителей, которые, судя по всему, решили, что я бездомная бродяга. Я протерла глаза, размазав скатавшуюся на ресницах тушь, которая размякла под моросившим с утра дождем. Внутри меня немного потряхивало, как бывало обычно, когда я мало спала или жутко волновалась. Я слезла с капота. Меня удивил тот факт, как я не скатилась с него ночью, учитывая мою склонность ворочаться во сне.

Я закинула плед на заднее сидение, даже не сложив его. Подтерев черные разводы под глазами и переделав пучок на голове, я перекинула через плечо спортивную сумку, которую

вчера на всякий случай прихватила, закинула туда походный инвентарь, состоявший только из фонарика и спичек, и снова отправилась к кафе, чтобы встретиться с официанткой, имя которой я вчера даже не догадалась спросить. Я вошла внутрь. Днем в забегаловке оказалось не намноголюднее, чем ночью, но все же пару столиков были заняты. Я пригляделась к барной стойке, где носились несколько официантов, обрабатывая заказы, но среди них не было той самой женщины. Я решила, что немного подожду и скромно присела за крайний столик. Ко мне тут же подлетела молоденькая девушка, чтобы обслужить меня. Я еще раз посмотрела на барную стойку, за которой стоял молодой человек, и официантку, которая подавала пудинг на соседний столик.

– Мне, пожалуйста, капучино и чизкейк, – я предположила, что девушка должна знать женщину, которую я встретила вчера, поэтому все же решила спросить. – А вы не подскажите, кто работал здесь вчера ночью?

– Вчера? – девушка сморщила лицо. – Если честно, я не знаю. Сегодня у меня первый день работы. И я пока даже не в силах запомнить имя нашего менеджера.

Я поняла, что она мне ничем не поможет, но все же улыбнулась ей в ответ.

– Значит, вам чашку капучино и чизкейк? – она повторила мой заказ и уже собралась его выполнить, как я вдруг передумала.

– Хотя, знаете, нет, – я взглянула на часы, на которых был уже одиннадцатый час. Я прикинула, что даже если не встречу вчерашнюю официантку, мне самой придется отправиться в путь, а если его мне никто не укажет, то стоит отправляться в дорогу прямо сейчас.

– У вас есть, что-нибудь, что можно взять с собой и поместить сюда? – я указала на сумку, которую не сняла с плеча, когда занимала место. – Что-то вроде сухого пайка?

– Да, конечно, – ответила она и предложила мне множество вариантов, я выбрала тот, который мне запомнился. Состоял он из сэндвича и бутылки кока-колы. Подумав еще раз, я попросила, чтобы мне сделали двойную порцию.

Я смотрела в окно. На улице было пасмурно. От такой погоды ужасно клонило в сон, а окружающие леса, окутанные остаточной дымкой ночного тумана, навевали мысли, которые в принципе всегда присутствовали в моей голове. Это были мысли грусти, мысли поглощения.

Мой заказ был готов буквально через пять минут. Официантка всучила мне пакет. Не дожидаясь, когда меня рассчитают, я расплатилась прямо у кассы. Я хотела спросить у кого-нибудь еще про ту женщину, но почему-то решила, что мне не так уж и важно ее найти. Наверное, это был первый раз за сегодня, когда я отступила, передав все сложности на разрешение судьбе. Карма, рок, случай были тем самым, что оказывалось всему виной, когда в какой-то момент я упускала самое важное. Вот и сейчас мне казалось, что я упускаю что-то важное, но все равно решила пустить все на самотек, как велела мне моя жизненная философия, которую я не считала верной, но которой была вынуждена придерживаться.

Я снова оказалась на улице и совершенно не знала, что делать. Но почему-то мне не хотелось сесть в машину и поехать обратно. Я достала карту, и совершенно ничего не понимая, кроме линий автомагистрали, положила ее обратно. Мыслей куда мне отправиться у меня так и не появилось, поэтому я решила воспользоваться старинным способом, который еще никого, кроме меня не подводил, я порылась в карманах и нашла монетку, загадав направления, в котором двинусь, на орла – восточное, на решку – западное, но вовремя не вспомнив, что совсем не разбираюсь в сторонах света. Я подкинула монету, решив, не подключая никакую логику, что орел укажет мне идти вперед, а решка – налево. Монета почти соскользнула у меня с пальцев и я не успела ее поймать, как на тыльной стороне она покатила по земле, поворачивая то налево, то направо, заставляя меня маневрировать своими неповоротливыми шагами. Я сфокусировалась на ней, чтобы не упустить ее из виду, ведь она сейчас была именно тем, что олицетворяло рок. Последнее, что я увидела перед тем, как монета остановилась, так и не упав на сторону решки или орла, были чьи-то ноги в резиновых сапогах.

– Оба варианта не верны, – я подняла голову и увидела ту самую женщину, которую искала в кафе. – А вы судьбе даже возможности не дали указать вам верный путь...

– Я вас искала, – я снова посмотрела на нее. Она была крайне легко одета. У меня было ощущение, что она только что вышла из дома. – Почему вас не оказалось в кафе?

– Вчера у меня был последний рабочий день, – ответила она, поднимая прямо у себя из-под ног застывшую монету. – Мне кажется, вы ошиблись обувью. Здесь места – это не аллеи в парке. Вы ступить не успеете, как ваши ноги намокнут.

Мне нечего было ей ответить, поэтому я ждала, когда же она перейдет к самому главному.

– Почему вы выбрали идти только вперед или налево? – спросила она.

– Назад нет смысла двигаться, потому что туда вглубь уходит деревня и кроме домов я ничего там не найду. А путь направо слишком сумрачный, мне немного не по себе, когда я смотрю в ту сторону, – я объяснила, как могла.

– Когда принимаете какое-то решение, принимайте решение окончательно, – она отдала монету. – Полагаясь на судьбу, не ставьте ей ограничений.

– О чем это вы?

– Вы хотя бы три раза кинули монету. А так вы ничего не решили сами, и ничего не дали решить вашей судьбе, – она ответила кратко, а потом сразу перевела тему разговора. – А идти вам нужно по той дороге, которую не выбрали ни вы, ни ваша судьба. Вам нужно идти вглубь деревни, пока не выйдете к лесу у кладбища, его обойдете, а дальше через долину к холмам.

– Кладбище? – меньше всего я ожидала, что мне придется по дороге пересекать кладбище.

– Ну да, только не нужно делать такие глаза, – она расхохоталась, но я в отличие от нее не находила в этом ничего смешного. – Это даже не лес, а прилесок. Вы его обойдете, минуя само кладбище.

– Как же я его миную? – спросила я на всякий случай.

– Когда вы выйдете к лесу, вы все поймете, – она ничего не рассказывала, давая волю моему богатому воображению. – А прежде чем вы отправитесь на поиски, давайте забежим ко мне на пару минут, я дам вам сапоги. В этой обуви вы далеко не уйдете. У вас есть плащ?

– Нет. Я не рассчитывала. Может, к холмам мне лучше проехать на машине? Так я потратю меньше времени, – мне казалось это вполне логичным.

– Вы не сэкономите время. Машину лучше оставить здесь. Дожди шли почти целую неделю. Дорогу размыло. Вы застрянете в первой же луже. Я дам вам плащ и резиновые сапоги. Вернете их мне, когда вернетесь.

– Вы уверены, что я вернусь? – собственный страх дал мне неплохой повод, чтобы пошутить.

– Если бы не была уверена, то не стала бы отдавать весь этот реквизит в пользование, – она улыбнулась.

Она жила в доме напротив мотеля, совсем рядом с кафе, в котором работала. Поэтому нам потребовалось всего около минуты, чтобы оказаться во дворе ее дома.

– У вас муж случайно не садовник? – я задала этот вопрос, потому что территория была настолько облагорожена, что ничего другого я просто предположить не могла.

– У меня нет мужа, – она выкрикивала мне из маленького сарайчика, в котором, судя по всему, хранился весь садовый инвентарь. – Я сама занимаюсь садом. Это, можно сказать, почти хобби.

Она вышла, всучив мне сапоги, которые мне были почти выше колена.

– Это что же? Мне придется через болото топать? – подумала я про себя.

– Так, а это дождевик, – она дала мне в руки желтый дождевик с капюшоном, какие бывают обычно у работников службы спасения.

– Кстати, вы мне так помогаете, а я даже не знаю, как вас зовут, – я, наконец, вспомнила, что хотела задать этот вопрос еще тогда, когда возле ее ног остановилась монетка.

– Я Меган, – она ответила, даже не поинтересовавшись, как зовут меня, поэтому я решила представиться сама.

– А меня зовут Эмма.

– Вас не гоню, но день сейчас короткий, поэтому если вы не хотите застать ночь как раз, когда будете проходить мимо кладбища, то вам стоит поторопиться.

– Да, – я согласилась, натягивая на себя сапоги и плащ. – Еще раз большое спасибо за помощь.

– Спасибо скажете, когда найдете того, кого ищете. Удачи!

Признаюсь, Меган казалась мне немного странноватой. Она была весьма противоречивой. Сегодня она, определенно, была менее разговорчивой, чем при первой нашей встрече. Меня пугал тот путь, который она мне указала, но почему-то она внушала мне доверие, поэтому я решила последовать ее совету.

* * *

Пригород оказался намного больше, чем я думала. Деревня уходила вглубь примерно на три-четыре мили, так что я успела наглядеться теми дворцами, которые были отстроены рядом с домами, стоявшими здесь, наверное, уже больше века. Пейзажи здесь были великолепными. Многообразие форм делало местность выразительной, а очарования и броскости добавляла ей осень.

Дома походили здесь на средневековые замки. И замков таких здесь было с дюжину. Но восхищаться их великолепием было некогда. Мои мысли занимал тот факт, что рано или поздно деревня закончится и я окажусь у того леса, где, по словам Меган, находилось кладбище. Несмотря на то, что время было чуть больше полудня, казалось, что на улице смеркалось. Я шла так быстро, что от напряжения у меня начали болеть икры. Мне хотелось миновать этот сумрачный лес и выйти к долине до того, как стемнеет. Да что уж там говорить, я и старика планировала найти до того, как наступит ночь. Я все время посматривала на часы, но время текло намного медленней, чем мне казалось, верней сказать, намного медленней, чем к пригороду подступала ночь. Я понимала, что мне придется делать привал также хорошо как и то, что у меня для него не было абсолютно ничего.

Я заметила, что дворцы стали редеть. Их сменили намного более скромные дома, которые на их фоне больше походили на землянки. А потом и их становилось все меньше и меньше. Наконец, я увидела перед собой зеленую стену, которая преграждала мне путь – тот самый прилесок. Я замедлила шаг, ища глазами кладбище. Лишь когда я подошла ближе, я увидела, что это и правду был не лес, а совсем небольшой лесочек, огороженный со всех сторон невысоким забором. Подойдя еще ближе, я увидела чьи-то могилы, и мне стало страшно. Я посмотрела по сторонам и увидела, что мне нужно пройти еще около мили что в одну, что в другую сторону, чтобы его обойти. Но я прошла бы и больше – слишком много страха вызывало у меня это мрачное место. Поэтому я снова ускорила шаг, чтобы поскорей выйти к долине. Причем я даже догадываться не могла, насколько вглубь уходит этот лес, но мне стало все равно. Пока было светло, я могла бороться со своим страхом. Дождь стал намного сильнее, если пять минут назад он моросил, то сейчас я чувствовала, как на капюшон дождевика падают тяжелые капли. Ветер стал порывистым, поэтому мне все время приходилось поддерживать летающий с головы капюшон. Но я знала, что не остановлюсь ни перед чем.

Мне потребовалось около получаса для того, чтобы оказаться по ту сторону леса. За ним вид открывался куда более радужный то ли от того, что мной был преодолен страх, который отступал по мере того, как оказывалось позади кладбище, то ли от того, что шквалистый ветер прогонял дождевые облака, расчищая неоновое небо. Передо мной расстилалась долина, которая в трех милях от меня становилась горбатой. Дороги через эту долину не было, поэтому

мне пришлось идти прямо через высокую траву, которая подставляла мне подножки. От дождя земля размокла и стала рыхлой, поэтому резиновые сапоги пришлось очень даже кстати. Наконец, я почувствовала, как мое лицо пригревает остывающее осеннее солнце. В дождевике становилось душно, поэтому я решила его снять и повязать на бедра. Я снова посмотрела на часы, прошло около полутора часов с момента, когда я распрощалась с Меган. Усталости почти не было, я только почувствовала, как легкий голод перестал быть легким, но с обедом решила все-таки повременить, пока не окажусь у подножия холмов. Силы у меня еще были, а бодрости мне придавал витамин Е, который я получала от солнца. Я оглянулась назад и увидела, что сбежавшие отсюда облака тучами нависли над деревней, а потом продолжила свой путь. Я шла настолько быстро, насколько могла, иногда мне даже хотелось побежать, но разум подсказывал, что следует поберечь силы. Кстати о силах. По мере того, как увеличивалась усталость в моих мышцах, росли и мои силы. Я думала, что мне кажется. Но потом я все-таки поняла, что чем больше я трачу энергии в этом пути, тем больше энергии я генерирую.

Я начала чувствовать, что поднимаюсь в гору. У меня заныли стопы и начали гореть икры, поэтому я развязала дождевик и кинула его на влажную землю, чтобы присесть и, наконец, съесть бутерброд, который я, наверняка, проглотила бы целиком. Я согнула немного ноги, чтобы сесть, но почувствовала боль. Я знала, что если сейчас присяду хотя бы на пять минут, то растеряю оставшиеся силы, поэтому достав из сумки сэндвич, я принялась уминать его прямо стоя. Одного бутерброда мне показалось мало, но второй я решила оставить, когда голод снова станет несносным. Посмотрев наверх, я прикинула, что до вершины холма метров четыреста-пятьсот. Учитывая, сколько я уже прошла, это расстояние было мне более, чем по силам, только требовало оно сил намного больших, чем дорога по равнине. Я не стала на этом заикливаться, а просто предпочла собрать силу воли в кулак и добраться до вершины, тем более я не имела ни малейшего представления, что меня там ждет.

* * *

Оказавшись на вершине, я увидела, как вдаль уходит долина, образуя в нескольких милях от меня горизонт. С той вершины, на которой я оказалась, открывалась панорама на сотни пологих холмов, заляпанных небольшими лесочками. По крайней мере, небольшими они казались с высоты. Не знаю, что я ожидала увидеть наверху, но та бесконечность, которую воплощала собой долина, почти сразу же убила весь мой энтузиазм. Имея аналитическое образование, я меньше, чем за минуту посчитала, сколько потребуется времени, чтобы все это обойти. Выражаясь языком нематематическим, звучало бы это примерно так:

– Очень много, – я почти махнула рукой и собралась обратно. Но то, что я увидела, когда обернулась назад, напугало меня куда больше – расстояние, которая я уже прошла было, быть может, раза в три или четыре меньше того, что мне пришлось бы обойти, но и оно оказалось огромным. Прибавив к нему еще четыреста миль, которые я проехала на машине, я снова обратила свой взгляд вперед. Во второй раз долина уже не казалась мне такой необъятной, как в первый. Меня пугало лишь одно, как стремительно солнце опускалось к горизонту. Учитывая, что я была налегке, и весь мой походный инвентарь состоял из сумки, в которой были спички, самое важное, как мне казалось, на тот момент, фонарь, взятый на всякий случай, и остывший сэндвич, ночевать на дикой природе я ни за что бы не решилась. До того, как солнце окончательно раствориться в закате, оставалось порядка трех с половиной часов.

– Хватит, по крайней мере, на то, чтобы ознакомиться с местностью, – подумала я, будучи уверенной в том, что мои поиски не закончатся ни сегодня, ни завтра. Каким бы не был мой оптимизм и вера в то, что мне когда-нибудь по-настоящему повезет, я все же оставалась в здравом уме и памяти и сохраняла при себе свои навыки к математическому анализу.

Я решила, что будет совсем неплохо набросать на бумаге план местности, но среди полезных вещей в сумке, ни ручки, ни карандаша и даже помады я не нашла. Впрочем, не было и бумаги. Мне ничего не оставалось кроме, как не терять времени и продолжить свой путь.

Мне с трудом верилось, что все, что я делаю, будет не безрезультатным, но позволить себе вернуться обратно, не переступив через ту черту, которую воплощал собой тот холм, на вершине которого я оказалась, я не могла. Не знаю, что тогда мной руководило, но оно мне не позволяло повернуть обратно. Это что-то было сильней моей неуверенности в себе, моей веры в собственный провал, наконец, намного сильнее моей лени, которая до этого момента вообще казалась мне непобедимой.

* * *

Мои ноги в буквальном смысле выламывало от боли. От усталости тело натянулось, как струна. Но это напряжение, как ни странно, помогало мне. Я бродила по лесу, уже четвертому по счету, в поисках следов, которые могли бы привести меня к тому, кого я искала. Следопыт из меня оказался никчемный. Ко всему прочему от пригнанных ветром туч казалось, что ночь подступает быстрее. Мне все время приходилось оглядываться на макушки деревьев, по проступавшему сквозь них небу я ориентировалась во времени. Я пыталась рассуждать логически, но то, что я делала, уже само по себе было нелогично, поэтому я решила просто довериться интуиции, которая беспощадно хранила молчание.

Мне не хотелось забираться вглубь леса. Я боялась, что меня занесет в болото или на меня нападет какой-нибудь дикий зверь. Только потом я подумала, что стоило взять с собой проводника. Но как это происходит обычно, самые хорошие мысли приходят именно тогда, когда упущено время для их реализации.

– Вообще нужно было тщательней продумать свою поездку, – я корила себя за свою непредусмотрительность и продолжила бы себя истязать, если бы не увидела небольшие вмятины на земле у себя под ногами. Сначала я подумала, что это следы от моей обуви, но сравнив размер пришла к выводу, что их точно оставила не я. Я запрокинула голову и, увидела, что небо над лесом уже сменило свой цвет с фиолетового на оранжевый. Это значило, что мне пора двигаться туда, откуда я пришла. Но какая-то неведомая сила снова вела меня за собой. Я начала дрожать, руки похолодели. Через минуту я уже не могла справиться с нездоровым ознобом. Я рывками заглывала воздух. Также рывками билось мое сердце. Я продолжала идти по тропинке из чужих следов, не оглядываясь ни на что и лишь изредка поглядывая на небо, которое показывало мне, как тикало время.

Я была почти уверена, что вот-вот увижу что-нибудь, что напомнит мне лачугу, в которой и будет жить тот самый старик. Сначала я прибавила шаг, а потом, чувствуя, что все равно иду слишком медленно, побежала, спотыкаясь о корни деревьев и сучки. В лесу становилось все темнее и темнее, и без фонарика мне было уже не обойтись. Я притормозила и полезла за ним в сумку. Но включив его, я обнаружила, что следов больше не было. Покружившись вокруг своей оси, я лишь увидела вмятины от чужой обуви, которые привели меня до того самого места, в котором следы заканчивались. Я запрокинула голову и увидела, что небо над лесом совсем померкло. По холодной влажной земле пополз легкий туман. Лесные звуки, которые до этого времени почти не привлекали моего внимания, начали меня пугать. Волна дрожи снова пробежала по моему телу. Я остановила дыхание, чтобы прислушаться в надежде, что кроме тишины ничего не услышу. В лесу на самом деле было совсем тихо до того, как раздался выстрел...

* * *

– Что за странное увлечение у молодежи – в сумерках бродить по лесу? – послышался голос за спиной. Я нерешительно повернулась и рядом с собой увидела мужчину лет пятидесяти пяти с охотничьим ружьем и собакой.

– Вы заблудились? – спросил он меня.

– Нет, вовсе нет, – от влажной прохлады мой голос совсем охрип. – Я...

Мне совсем не хотелось озвучивать правду. Если бы я сделала это, он, наверняка, принял бы меня за сумасшедшую. Но никакого другого обстоятельного объяснения своего пребывания в ночное время в лесу я не могла придумать. Поймав себя на мысли, что в этом лесу я оказалась не одна, вместо того, чтобы отвечать на его вопрос, я задала свой.

– А на какого зверя охотятся ночью? – я как-то легко завела с ним разговор. Наверное, от страха я потеряла всякую осторожность.

– За зайцем. Это – ночной зверь, поэтому лучше выслеживать его, когда темнеет. Но, по правде говоря, не в лесу, – он перевернул кепку у себя на голове козырьком назад, видимо, чтобы лучше разглядеть меня. – Вам кстати повезло, что я не принял вас за зверя, а то подстрелил бы.

– Вы всегда стреляете во все, что движется? – я решила, что он шутит, поэтому решила его поддержать.

– Нет, вас же я не подстрелил, – он начал что-то искать глазами.

– Но судя по выстрелу, вы намеревались это сделать.

– Вовсе нет, – он смотрел мне прямо под ноги. Я не совсем понимала, что он пытается найти, но когда опустила глаза, увидела, как рядом со мной лежало толстое тело какой-то явно ядовитой змеи.

– Боже! – вскрикнула я, отступив на шаг назад.

– Да, юная леди, в этих лесах водятся не только зайцы, – он опустился на колени и, обхватив рукой, на которой была бежевая перчатка горло змеи, внимательно рассматривал ее. Она была толщиной с канат, сине-зеленого цвета.

– Это очень опасный вид змей. Ее яд поражает в течение нескольких минут. Запомните, как она выглядит. Если решите продолжать свою прогулку, смотрите под ноги внимательней.

– Я так понимаю, что вы хорошо знакомы с этой местностью? – я настолько была одержима идеей закончить то, ради чего здесь оказалась, что через минуту уже и думать забыла о змее.

– Более чем.

– Тогда, возможно, вы мне поможете, – я была почти готова задать свой вопрос, как вдруг он меня перебил.

– Вы, наверное, ищите меня, – его фраза прозвучала больше как утверждение, нежели как вопрос.

– Вряд ли, – я усмехнулась. – Но вы правы. Я ищу здесь одного человека. Я, правда, не знаю, кого именно я ищу, и чем именно он занимается. Однако я уверена, что должна его найти.

– Вы сейчас говорите о старике? – он снова говорил почти утвердительно, и лишь его бровь поставила в конце сказанного им предложения вопросительный знак.

– Да, – мой ответ был краток, ведь мне нечего было добавить, да и собственно объяснять что-то не было необходимости, потому охотник, судя по вопросу, знал, о ком идет речь.

– Ищите путь? – спросил он. Я пыталась уловить в его голосе нотки насмешки, но вопрос прозвучал ни больше и ни меньше чем просто, как вопрос.

– Если так можно сказать...

– Если вы в этом не уверены. Зачем вы здесь?

– Я уверена, – я посмотрела на него, пытаясь найти какую-то подсказку в выражении его лица. – Скажите мне, я что-то не понимаю? Или я совсем ничего не понимаю?

– Пол Старик. Ударение на первый слог. Приятно познакомиться. Следуйте за мной, – он развернулся налево, перекинув ружье через плечо. Он даже не посмотрел, иду ли я за ним. Я стояла, как вкопанная, пытаясь восстановить хронологию событий.

– Советую поторопиться. В этом лесу помимо ядовитых змей есть еще немало диких зверей, которые выходят на охоту ночью, – выкрикнул он прямо на ходу, ни разу не обернувшись.

Я не могла сказать, что этот охотник внушал мне доверие. Но каким бы странным он мне казался, он все-таки спас мне жизнь. И с ним было безопасней, чем быть одной.

– Пол Старик? – я надеялась, что он ответит на вопрос, который я, можно сказать, не задала.

– Да я не так уж стар, – усмехнулся он. – Люди, которые ищут путь, быстрее бы находили меня, если бы знали, что им нужно искать не старика.

– Но почему?

– Узнаете позже, – он был немногословен.

– Куда мы идем?

– Вы хотите получить ответы на все вопросы разом? – он повернулся так резко, что я носом уткнулась ему прямо в грудь. Во внутренних карманах у него было что-то очень жесткое поэтому, от удара в переносицу у меня заслезились глаза. Я слегка приподняла брови и увидела над собой суровый осуждающий взгляд, пронизанный строгостью разочарованного учителя. Я сделала первое, что пришло мне в голову – отступив на шаг, опустила голову и махнула головой, как обычно, это делают провинившиеся дети. Я как бы обещала, что больше ничего не спрошу и не скажу ничего лишнего. Он смотрел мне в глаза, как будто хотел что-то в них найти, что-то совершенно определенное. Он точно знал, что хотел увидеть в моем взгляде. А я изо всех сил пыталась догадаться, что же он так ищет. Лишь спустя несколько лет я узнала, что он читает по глазам, но не отпечатанные в них мысли, не отраженные в них чувства. Прочитывая сотни страниц жизни по одному взгляду, он находил в нем то, что требовалось каждому из нас, чтобы обрести свой путь и пройти его до конца...

* * *

Я отмачивала свои ноги в теплом тазе с водой. Мистер Старик дома оказался весьма любезным. Он достал мне сухую одежду, дал теплый плед и угостил чашечкой вкусного горячего английского чая с лимоном. Все это он делал молча. На первый взгляд, какими-то совсем несопоставимыми казались его гостеприимность и чрезмерная молчаливость. Но в нем они довольно гармонично сочетались.

Я сама словно дала обет молчания, о котором меня никто не просил. Изо всех сил я старалась не нарушать данное мной обещание. Кроме слов благодарности я не произносила ни слова. В голове я уже составила список примерно из одиннадцати вопросов, на которые я хотела бы получить ответы. На девять из них мне было суждено получить ответы в течение тридцати дней. На один вопрос судьба сама дала ответ спустя год. Но чтобы ответить на последний самый главный, мне нужно было до самого конца пройти тот путь, который мне только предстояло найти. Тогда я ни о чем из этого не знала. Я лишь согревала руки и ждала, когда же, наконец, со мной заговорят.

Мистер Старик в очередной раз прошел мимо меня и, придвинув ближе к камину большое грузное кресло с высокой спинкой, сел напротив. Он переоделся и теперь был похож на магната, который проводит свои выходные подальше от суеты и будничных дел в своем загородном доме, надевая по-домашнему удобный вязаный жакет. Накрыв ноги красным клетчатым пледом, он продолжал хранить тишину, которую изредка нарушал треск, доносившийся из каминной топки.

– Ничто не предает дому такого уюта, как огонь, не находите? – это было не совсем то, что я ожидала от него услышать, но все же была рада, что он наконец что-то спросил.

– Он символизирует собой тепло, – продолжил он, не дожидаясь ответа. – Тепло жизни.

Я не знала, что мне ответить, поэтому предпочла подождать, какой будет его следующая фраза.

– Вы, наверное, предполагали, что я сейчас спрошу, что же вас привело сюда? – спросил он.

– Да, – я усмехнулась.

– Так что же?

– Хм, – я была почти уверена, что ему совершенно не интересен ответ на вопрос, который он задал, потому что это был скорее мой вопрос, нежели его.

– На самом деле людей приводит сюда одно и то же, – он ответил вместо меня. Несмотря на то, что он вел со мной диалог, на меня он ни разу не взглянул. С одной стороны меня это жутко раздражало. Однако мне было гораздо легче не ощущать на себе его тяжелого свинцового взгляда.

– И что это?

– Их приводит сюда путь...

– За всю свою сознательную жизнь я никогда так часто не слышала и не произносила этого слова, как за последние два дня. И никогда не наполняла его стольким смыслом как сейчас. Хотя, сказать по правде, я даже смысла его не понимаю. Точнее не улавливаю того, что вкладываете в него вы.

– Путь начинается с того самого момента, когда вы решаете его найти. Сколько вам лет?

– Двадцать пять...

– Вы намного моложе тех, кто приходил сюда до вас, – его лицо приняло мягкие очертания. – И в вас намного больше энтузиазма, чем во всех остальных.

– Энтузиазма? – переспросила я, будучи уверенной, что именно его мне не хватает.

– Да его самого...

– Знаете, – я не сумела сдержаться, – вы ведь совсем не похожи на старика. И вы даже издалека не напоминаете прорицателя, провидца, колдуна, в конце концов, даже мага. Кто вы? И где весь ваш атрибут? Хрустальный шар, бобы, доска медиума или что там еще бывает?

– Наставник, – ответил он и тут же добавил. – Я предпочитаю, чтобы меня так называли. А стариком я стал еще, когда мне было чуть больше сорока. Первый человек, которому я помог, был Джелани Фангей – начинающий биолог из Анголы. Его английский оставлял желать лучшего. Он путал слова, неправильно произносил слоги, не туда ставил ударения. Словом, и фамилия моя превратилась в имя нарицательное по его вине, о чем сейчас я нисколько не жалею. Напротив, я даже благодарен ему за то, что не приходится помогать всем. У меня есть возможность выбирать из сотни людей, которые продолжают сюда ехать, тех, кто заслуживает обучения.

– Какого обучения? – меня смутила формулировка, которую я услышала. Отправляясь в дорогу, я вовсе не имела намерения учиться.

– Обучению искусства поиска, – ответил он. – Самой сложной науки и самого многогранного и утонченного искусства поиска смысла жизни.

– Зачем искать смысл жизни? – я начала было спорить с ним. – Каждый сам определяет, ради чего ему нужно жить.

– Смысл жизни – это вовсе не то, ради чего стоит жить, – он улыбнулся, положив руки на мягкие подлокотники кресла. – Поэтому я и называю эту науку сложной. Одним нужно пройти свой путь, чтобы найти смысл. Для других путь и есть смысл. Для третьих смысл определяет путь.

– То есть вы сами не знаете, что есть путь, а что есть смысл жизни и что из этого определяет судьбу. Так чему же вы сможете меня обучить? – я поставила кружку на журнальный столик и наклонилась в его сторону. Я сделала ему вызов, и у меня не было сомнений, что он примет его.

– Я не даю ответы на эти вопросы, я лишь подсказываю, где их стоит искать в каждом отдельном случае.

– И каким же образом вы выбираете, кому стоит постигать таинства этой сложной науки? – только сейчас я начинала осознавать, что моя поездка оказалась напрасной. Но мне так не хотелось самой себе признаваться в этом, поэтому я продолжала задавать свои вопросы

в надежде, что Мистер Старик своими ответами на них заставит меня поверить ему. Но сейчас он внушал мне намного меньше доверия, чем час назад в лесу.

– Человек, не знающий, кого или что ищет, и преодолевающий вершину холма, за которым может ничего не оказаться, действительно хочет что-то найти. Обычно что-то очень важное. Я помогаю людям в поисках этого самого важного. Люди, которые останавливаются, не начав пути, обычно не доходят даже до середины долины за кладбищем Холи Форест. Многие взбираются на самую вершину и поворачивают обратно. Все они обладают общим качеством – что-то всегда оказывается сильнее их самих. И не важно, что это. Важно что, начав путь, они почти сразу отказываются идти по нему, когда видят насколько он длинный в надежде, что найдут короткий. Но, как и в случае, когда не знаешь, что ищешь, так и в случае, когда ищешь что-то очень важное, короткого пути никогда не существует. Если путь короток, означает лишь одно – то, что Вы приняли за значимое, на самом деле не столь весомо.

– Это все философия... Не более чем...

– Для большинства людей может быть. Мы сотни лет рассуждаем о том, что есть смысл жизни. Но никто не говорит, как его найти. И что делать, когда его найдешь.

– Я не ищу смысл, – я не помню, что двигало мной, когда я ехала сюда, но я ни разу не задумалась о смысле своей жизни. Меня намного больше беспокоило то, что во мне напрочь отсутствовало – сила, причем независимо от того, о какой силе шла речь, была ли это сила воли, или внутренняя сила, тонус или что-то другое. Я была одержима поисками черной дыры, которая поглощала эту самую жизненную энергию, оставляя мне лишь незначительную часть, чтобы я могла волочить свое незаметное существование.

– Я знаю, – он как будто только и ждал такого ответа, словно ему уже не раз так говорили. – Ваши глаза говорят совершенно о другом.

– И о чем же они говорят?..

– В них нет потерянности, злобы, обиды. Может, совсем чуть-чуть усталость. Но гораздо больше в них жадности...

– Жадности? – мне показалось, что я ослышалась.

– Жадности до жизни, – пояснил он. – Такие глаза обычно у людей, которые лишены возможности полноценно жить.

– Вы имеете в виду, у инвалидов?

– И они в том числе. Но в первую очередь это люди, которым осталось совсем немного, и они хотят за то небольшое количество времени, которое им отвел господь Бог, попробовать все, что не успели попробовать, когда у них был миллион возможностей. В их глазах сначала появляется жажда жизни. Но когда жизнь их покидает, то остается лишь жадность. Вы видели хоть раз по-настоящему жадного человека? Как меняется его взгляд, когда в руках оказываются деньги?

– Наверное, да, – не знаю почему, но мне вспомнилась моя тетя. Наверное, из всех людей, которых я встречала в своей жизни, никого более жадного до денег, чем она, я назвать не могла.

– Так вот, Эмма, по-настоящему жадные люди – это те, кому отвели совсем немного времени. Поэтому именно они наиболее рационально расходуют ту крошечную часть вечности, о которой они мечтают, но которую им никто не в силах подарить и даже продать. Так в чем же причины твоей жадности?

Я молчала. Мистер Старик если и не был тем, кого можно было назвать прорицателем судьбы, определенно обладал какой-то мудростью. Возможно, весь его талант ограничивался чтением и толкованием настоящего по глазам, и он не мог ничего рассказывать о будущем, но это был воистину уникальный талант. Он был первым, кто указал мне на то, что я угасаю. Он не сказал мне об этом напрямую, но позволил мне это понять самой настолько ясно, что я ощутила свою неполноценность намного сильнее тех, кто был на самом деле неполноценным.

В голове это очертилось так четко, что я так и не смогла найти слов, чтобы ответить ему на его вопрос.

– Как и многие, кто оказывался в этом кресле до тебя, ты не можешь ответить, – он усмехнулся. Мне начинало казаться, что я предсказуема. Он словно знал, на какие вопросы я отвечу, а на какие нет, и о чем спрошу сама.

– Меня всегда интересовало, почему люди, обладая большим запасом времени и миллионом возможностей, не могут жить так, как хотят. Когда спустя много лет с момента, как я впервые задался этим вопросом, я, наконец, нашел ответ, мне стало смешно жить.

– И почему же? – спросила я, надеясь на то, что мне станет после этого также смешно, как и ему.

– Я не разглашаю ответы на вопросы, на который ответил сам, но помогаю своим ученикам найти их самостоятельно. Знание, которое получают люди, должно развиваться, расти, становится шире, сложнее. Если передавать эти знания от одного другому, никто не будет искать, а значит, и не будет находить, что-то новое. Лишь в поиске каких-то прописных истин, можно найти истины неписанные. Поэтому большинство из тех, кого я обучил основам, могли стать или стали такими же наставниками, что и я, а, может, даже намного лучше.

– Если честно, пять минут назад мне казалось, что я чего-то не понимаю, но теперь мне кажется, что я вообще ничего не понимаю, – я была предельно откровенна.

– Сегодня я скажу тебе лишь одну вещь, над которой советую тебе подумать в ближайшие семь дней до того, как ты решишь, вернуться сюда, – он сделал паузу, наверняка, дав мне возможность вставить свое слово в его реплику, но в этот раз я промолчала, сумев сохранить небольшую долю своей непредсказуемости. – Намного неполноценней те, кто не может жить полноценно, будучи полноценным. Найди движущую силу... А теперь допивай чай и езжай домой.

– Что значит «движущая сила»? – спросила я, совсем не ожидая, что наш диалог закончится так быстро, и он меня отправит домой.

– Не люблю повторяться.

– Чтобы что-то искать, нужно знать, что искать, – возразила я.

– Я уже сказал, что у тебя будет семь дней, чтобы подумать.

– Да с чего вы вообще взяли, что я сюда вернусь?! – я здорово повысила на него голос, не взирая на его года, и уже ждала, что он прогонит меня в шею и велит не возвращаться, но его реакция оказалась несколько иной.

– Я не решаю за тебя, – он отложил плед и встал с кресла, видимо, собираясь меня проводить до двери. – У тебя есть выбор. Но если ты не вернешься через семь дней, ты не вернешься никогда...

Он обошел кресло и отправился к лестнице, которая вела на второй этаж. Как я поняла, провожать к выходу меня никто не будет, и искать дверь мне придется самой. Я попрощалась с ним, как велело мне мое воспитание, но благодарить его, как я сама считала, мне было не за что, но и собственно злиться тоже. В том, что он не оправдал мои ожидания, были виноваты лишь легенды, которые слагали о нем люди. Но лично мне он ничего не обещал. Прежде чем уйти я еще раз оглядела особняк и взглянула на камин. Я всегда считала, что любая значимая встреча с человеком, чем бы она ни заканчивалась, запоминалась одним ярким символом. Символом встречи с Мистером Стариком было не ружье, которым он спас мне жизнь, убив в лесу ядовитую змею, и даже не весь этот особняк. Символом этой встречи был огонь – огонь, которые в последствие смог разжечь во мне этот человек. Я повернула ручку и открыла дверь, увидев, что на улице уже бросило свои слабые прозрачные лучи солнце, расплавляющее туман, который опустился на пригород. Я стояла на пороге дома, на который я обратила внимание, когда отправлялась через кладбище к долине. Со времени, как я оказалась внутри него, прошло больше восьми часов. Я видела перед собой десятки домов, которые стояли колоннами, не

решаясь сделать шаг вперед и закрыть за собой дверь. Я была уверена, что больше не вернусь сюда, но чувствовала, что сейчас переступлю порог, разделяющий мою старую и новую жизнь.

* * *

Я позвонила в колокольчик, который висел над забором. Но мне никто не ответил, тогда найдя небольшую щель, я протянула руку и повернула засов с внутренней стороны. Раздался небольшой шелчок, и дверь открылась. Я зашла во двор, окликнула хозяйку, но никто не отозвался. Тогда я подошла к тому сарайчику, из которого Меган достала мне резиновые сапоги и положила их рядом, а на торчащий из двери гвоздь повесила дождевик.

– Вы нашли его? – послышался голос.

От неожиданности я вскрикнула, но увидев у входной двери официантку в ночной сорочке и домашнем халате, я поняла, что разбудила ее своим шумом.

– Неужели я так страшна по утрам? – она улыбнулась.

– Нет, что вы, – я сделала небольшую паузу, чтобы подумать, как лучше мне ответить на ее вопрос. – Я тут вернула вам сапоги. Вы были правы, они мне оченьгодились.

– Так вы нашли его? – у нее было твердое намерение получить ответ.

– Нет, – я сама не знаю, почему солгала. – Думаю, были правы те, кто считал легенды про старика всего лишь легендами. Но все равно спасибо вам за все. Мне пора. Я, пожалуй, пойду.

Как ни странно, женщина мне ничего не ответила. Она снова улыбнулась и проводила меня до выхода, чтобы закрыть забор на засов. Пожелав счастливого пути в дороге, она хлопала меня по плечу, как хлопают обычно родители, когда хотят за что-то похвалить. Я не стала придавать этому значения, поэтому, как можно быстрее, отправилась к своей машине.

* * *

Началась новая будничная неделя. Я сидела на своем рабочем месте и уже порядка часа пыталась сконцентрироваться на работе, но, как обычно, у меня это не очень хорошо получалось, а, верней сказать, получалось, но теперь намного хуже, чем раньше. Я смотрела то на папки, которыми был завален мой стол, то на своих коллег, которые делились тем, как прошли их выходные, то в окно, из которого было видно припаркованные машины. Балансы, отчеты, новостные сводки по фондовым индексам – все, абсолютно все, казалось каким-то не настоящим. Словно кто-то подменил реальность, может быть, не всю, но мою реальность точно. Сейчас как-то острее я ощущала, что живу совсем не той жизнью, что должна – все было совсем не то. А что должно было быть тем самым, я совсем не знала.

На столе поверх всех отчетов у меня лежала карта, которой я пользовалась, добираясь до Холи Форест. Как бы я не была разочарована в Мистере Старике, но его слова засели мне глубоко в голову.

– Что за движущая сила? – повторяла я про себя. Я зашла в интернет и, забив в поисковике это словосочетание, переходила от одной ссылке к другой. Так пока я просматривала сотни веб-страниц, отчеты на моем столе копились один за другим, а я все никак не могла заставить себя за них взяться. Так было до тех пор, пока за папками меня стало совсем не видно.

– Эй, Эмма! – сквозь шум своих мыслей я услышала тонкий голос Николь. – Ты подготовила сводку по корпорации «Три Джи»?

– Что? – я совсем задумалась.

– Сводка? Помнишь? Ты обещала подготовить ее в понедельник...

Я забыла обо всем, что касалось работы, которая, как и прежде, меня совсем не занимала. Я посмотрела на часы, но они, кажется, тикали еще медленней, чем раньше. После встречи с Мистером Стариком в моей жизни значительно увеличились степени. Если раньше все, что происходило в моей жизни, было в квадрате, то теперь это смело можно было возводить в куб. Время стало течь еще медленней, я сильнее стала ненавидеть свою работу. Но вместе с

тем нужно заметить, что прибавилась решимость изменить все вокруг, а начать, пожалуй, мне стоило с самой себя, а для этого мне была нужна какая-то движущая сила.

К сожалению, мои должностные обязанности еще никто не отменял, и как бы я ни хотела взяться за модификацию реальности прямо сейчас, требование начальника заставило меня отложить свои планы сначала на пару часов, потом до конца рабочего дня, ну а затем, естественно, и до начала нового. Я открыла папку, в которой были одни цифры и принялась за расчеты. У меня слипались глаза, но я продолжала подставлять числа в формулы, чтобы получить значения коэффициентов, характеризующих финансовую устойчивость клиента. Я решила сделать себе кофе, но выпив одну чашку, а затем и вторую, так и не сумела разбудить свое дремлющее сознание. Сделав нечто похожее на финансовый анализ, я распечатала расчеты и положила папку на стол коллеги, которая по всему этому должна была еще подготовить презентацию, чтобы во всех красках обрисовать инвесторам инвестиционную привлекательность предлагаемых к реализации проектов.

Обрадовавшись тому, что я, наконец, избавилась от рутинной работы хотя бы не надолго, буквально до следующего отчета, я решила сходить в туалет, в который я отправлялась часто именно для того, чтобы остаться там наедине с собой, прислушаться к внутреннему голосу, который заговаривал со мной именно тут. Как бы смешно это ни звучало, часто именно в туалете мне в голову приходили самые интересные мысли, но обычно эти мысли тут же и оставались. Я заряжалась здесь какой-нибудь идеей, но переступая через порог, возвращалась к реальности. Так снова оказавшись среди кафельных стен, я подошла к большому зеркалу, в котором видела себя почти во весь рост. Я представила, что я могла бы выйти отсюда, оказавшись в другом своем настоящем – настоящем, которое я бы любила. Но на пути к этому настоящему было много препятствий – видимых и невидимых, реальных или мнимых. Главное из них было то, что я совсем не знала, о каком настоящем я мечтаю. Я лишь знала, какое настоящее я бы не хотела. Это было настоящее, которым я обладала.

* * *

Вернувшись домой, я заварила себе фруктовый чай, села в кресло напротив дивана, вокруг которого в последние пять лет происходили все события моей жизни и взглянула на стены. Только сейчас я обратила внимание на то, что они являли собой. Выгоревшие серо-зеленые обои и несколько торчащих гвоздиков, напоминавших о жизни прежних хозяев – вот каков был прототип моей жизни. Квартира много могла бы рассказать о моем прошлом, будущем и настоящем, но ей было нечего рассказывать. На такие же гвоздики в своей жизни я могла бы повесить пару картин, на которых могли бы уместиться несколько миров. Но я никогда не путешествовала. И речь сейчас идет совсем не о тех поездках, в которые ты отправляешься, выключая все телефоны. Я имею в виду настоящее, захватывающее приключение. Это могло быть кругосветное путешествие, на которое я все никак не могла накопить. Или путешествие в дикую Африку, на которое я не могла набраться смелости. Или приключение на Тибете, которому я предпочитала лежание на теплом песке или того хуже на диване.

На гвоздик не могла я повесить и семейное фото, потому что сложно было найти кого-то, кто мог меня по-настоящему ценить, проводя остаток рабочего дня и выходные на кровати или в кресле, уткнувшись в монитор или телевизор, наблюдая за чужой жизнью со стороны.

Словом, эти стены должны были стать холстом, на котором мне стоило начать рисовать жизнь. Кажется, я поняла, о какой движущей силе говорил Мистер Старик. У меня было довольно много желаний. Поэтому я решила, что та сторона комнаты, на которую падают закатные лучи, будет моим черновиком, а сторона напротив станет полотном моей жизни. Я поставила кружку с чаем на журнальный столик и начала рыться в шкафу, где хранила различное барахло на всякий случай. Я не знала, что ищу, и что мне понадобится. Я даже не знала, что именно я хочу сделать, но нашла для этого клей, ножницы, цветную бумагу и маркеры. Собрав в квартире глянцевые журналы, я начала просматривать один за другим, подбирая кар-

тинки, которые теперь были призваны стать олицетворением движущей силы, которая спустя год должна была превратиться в фото на противоположной стороне. Да именно год – такой срок я ставила своим целям. Не слишком пессимистично, но вполне преисполнено оптимизма, учитывая какие картинки оказались тогда на моей стене. Согласна, идея с коллажем из собственных желаний была не самой оригинальной идеей. Но все же, получив подсказку Мистера Старика, я тут же принялась за поиски источников вдохновения к жизни. Такими источниками я сделала свои желания. Верней сказать, с того времени я исключила из своего словарного запаса слово желание. У меня были лишь цели. Да именно цели стали движущей силой.

– А строил из себя мудреца, – подумала я про Мистера Старика. Тогда я считала, что истина, которую он не захотел мне раскрывать, дав мне неделю на то, чтобы я нашла ответ, и не мудрость вовсе. Это то, о чем знают все, и звучит она примерно так: «Ставь цель и иди к ней». Эта мысль пришла мне в голову в первый раз не в этот понедельник. Она посещала меня и раньше. И проблема была не в том, чтобы найти мечту, поставить цель и определить способы ее достижения. У меня всегда была мечта, всегда разная, но была. И я всегда стремилась к ее претворению и даже знала, как я могу добиться того, что страстно желаю. Но никогда раньше я не ощущала ее материальности. Чтобы начать творить, нужно это олицетворить.

Я принялась вырезать картинки. Искромсав около четырех журналов я, наконец, приступила к самой интересной части – к наклеиванию. Причем я подошла к этому делу со всей ответственностью. Я четко продумывала, что и где разместить. Ведь я готовила презентацию своей собственной жизни. Презентацию, инвестором которой должна была стать я сама. Выражаясь языком экономическим, я должна была увидеть инвестиционную привлекательность проекта своей жизни, чтобы потом вкладывать средства в неконвертируемой в доллары или евро валюте – миллионы атомов своей энергии. Я словно должна была начать строительство нового жилого комплекса на развалинах старого по своим собственным чертежам.

Было около трех часов вечера, когда я, наконец, разрисовала пока мнимыми красками ярких журнальных картинок свою псевдожизнь.

– Теперь главное не застрять тут, – подумала я вслух. Я знала, что потенциальный мир может так и остаться потенциальным, а проект жизни всего лишь мечтой архитектора, которым я себя возомнила.

Посмотрев на себя со стороны, я бы и сама про себя не подумала, что меня увлекло так много. Да мне и самой показалось, что чего-то было лишку, но вспомнив все, чем я когда-то загоралась, я поняла, что на этой стене были именно мои желания, а не желания, которыми было бы похвально обладать. Я не упустила ни одной мелочи, и именно с мелочей решила начать, потому что они требовали меньше всего сил. Не то чтобы я была лентяйка, хотя я, конечно же, была ей, но приняться за воспитание того, чем уже изрядно была избалована моя сила воли, я решила издалека. И как бы смешно это не звучало, но в своем черновике я отметила «кучерявый пинчер» – торт, который требовал не так много силы воли, как прыжок с парашютом, но все же требовал усилий. Испечь шесть коржей вручную, приготовить шоколадный крем и соорудить из этого нечто похожее на кулинарный шедевр после девятичасового графика работы, обладая минимумом выдержки и терпения было уже само по себе подвигом. Поэтому первое испытание, которое я решила пройти уже завтра, стало приготовление этого торта.

* * *

Прошло уже три дня. Я так и не приготовила торт, не начала бегать, изучать испанский. А книга по хиромантии так и не поменяла свое местоположение с момента, как я положила ее на книжную полку полгода назад.

Как и раньше, я вставала на тридцать минут позднее, чем было положено. А на работе все также вяло писала ежедневные отчеты. Каждый день я обещала себе, что завтра на стене

реальности, наконец, появится первая фотография, но сама продолжала жить в настоящем без будущего.

Я с завистью продолжала читать истории людей, которые добивались успеха лишь благодаря своему упорству и труду, но их примеры меня совсем не вдохновляли. Я просматривала страницы своих сокурсников и оценивала успехи, которых они успели достигнуть с момента, как мы окончили университет. У многих из них в настоящее превратилось будущее, о котором они мечтали пять лет назад.

У меня не оставалось выбора. Я уже не была уверена, что движущая сила существует. Но чтобы убедиться в обратном, мне нужно было снова встретиться с Мистером Стариком. Я с вечера приготовила сумку, в которую положила теплые вещи, чтобы сразу после работы отправиться в дорогу. Оставив ее у выхода, чтобы не забыть утром, я в очередной раз подошла к стене и, сложив руки, взглянула на свое фото, которое поместила по центру.

– Если бы это был проект инвестиционный, он бы не окупился, ни через пять, ни через десять и даже двадцать лет, – подумала я про себя и выключила свет в комнате.

* * *

Я постучала несколько раз в дверь в ожидании, когда мне ее отопрут. Постояв на крыльце минуты три, прислушиваясь к звукам внутри дома, я взялась за ручку и повернула засов, совершенно не рассчитывая на то, что дверь отвориться. Но к моему удивлению, заперто не было. Я сделала шаг вперед и окликнула Мистера Старика. В ответ я услышала лишь скрипящее поскрипывание паркета, на который я ступила носочком, боясь напугать хозяина, которого, наверняка, и дома-то не было. Я решила зайти на минутку, поэтому не стала закрывать за собой дверь. Пройдя в гостиную, я почувствовала в ней необычайное тепло и сразу же обратила свой взор на камин. Мне показалось, что в нем горел вечный огонь. У камина, как обычно, спиной ко мне стояло большое кресло. Я решила, что смогу найти хозяина в саду или на веранде, поэтому отправилась напрямик во двор, как вдруг неожиданно услышала приглушенный мужской голос.

– Вернулись...

Я не сразу поняла, откуда он доносился. Мне показалось, что кто-то говорит со мной со второго этажа, поэтому устремила свой взгляд на лестницу.

– Такие, как вы, всегда возвращаются, – голос звучал отчетливой, чем в первый раз, и доносился он со стороны камина. Теперь я узнала в нем голос Мистера Старика, поэтому сделала несколько шагов в сторону кресла, на котором он смиренно сидел, накрывшись пледом, как в прошлый раз. Он читал какую-то книгу и, несмотря на то, что я встала в двух метрах от него, он на меня даже не посмотрел.

– У вас было открыто, – я начала оправдываться. Мне было немного неудобно за то, что я вторглась в чужие покои, как незваный гость. Но Мистер Старик не дал мне договорить.

– Я знаю. Я ждал вас, поэтому не стал запираить, – он кивнул головой, как бы пригласив меня присесть. – Я вижу две объективные причины, по которым вы могли оказаться здесь. Вы либо не поняли, что такое движущая сила, либо не смогли ее найти. Я прав?

Я не сразу смогла собраться с мыслями и даже не знала с чего начать свой рассказ. Я даже не знала, стоило ли что-то рассказывать или мне следовало все-таки помолчать. Несмотря на то, что я вернулась сюда, Мистер Старик по-прежнему не вызывал у меня доверия.

– Я пыталась, – я не успела договорить.

– Я знаю, что пытались. А иначе вас бы не было здесь. Человеку, который никогда не пытается, все равно. А тем, кому все равно, никогда не оказывались в кресле, в котором сидите вы.

Мистер Старик говорил за меня. Мне казалось для него было достаточно односложных «да» или «нет», чтобы он мог дать развернутый ответ за меня. В любом случае я предпочитала

слушать нежелать говорить, по крайней мере, до тех пор, пока я выбирала тактику общения с ним.

– Так почему же вы снова там, куда не планировали возвращаться? – спросил он, переверачивая страницу книги и перекладывая вшитую закладку.

– Я поставила перед собой цели, – начала я, ожидая, что он меня снова перебьет и продолжит за меня. Но он молчал, поправляя очки, который сползли к кончику носа. Тогда я решила продолжить.

– У меня всегда были какие-то желания, которые обычно превращались в устремления. Но эти устремления были столь не устойчивы, что желания возвращались в ранг желаний. А если они были намного сильнее, чем просто желание, они превращались мечту, – рассказывая предысторию, я, определенно, сбилась с мысли. – Понимаете?

Я ожидала, что он кивнет головой. Он лишь приподнял бровь. Я даже не смогла определить, что значил этот жест. Но решив, что гадать не стоит, продолжила дальше.

– Движущая сила – это цель, – заключила я и поставила жирную точку в конце предложения.

Он оторвал глаза от книги, и, засунув пальцы под очки, потер переносицу. По скривленным губам, я поняла, что он задумался над моей фразой, словно пытаюсь вытянуть из нее то, что хотел от меня услышать. Но покачивая головой, сам себе честно признался, что я была и не столь далека, и не столь близка к истине.

– Пожалуй, это самое распространенное заблуждение, – он замолчал. – Но вы сумели увидеть разницу между желаниями, мечтами и целями. Это компенсирует то, что вы не смогли найти движущую силу.

Я ожидала, что услышу от него осуждение. Но он в очередной раз обманул мои ожидания.

– Любой поиск чем-то заканчивается. Вы тоже нашли. Просто нашли то, что не сумели верно истолковать, – он отложил книгу и, сняв очки, потянулся к крошечному журнальному столику, который больше напоминал табуретку. В прошлый раз я его не заметила. На столике стоял позолоченный поднос с чайником и двумя чашками. Он налил чай и положил чашку на блюдце напротив меня.

– Цель – это вдохновение к жизни. Побуждение к жизни. Мотивация к поиску движущей силы, – он сделал глоток и поставил чашку на стол. – Движущая сила – это не цель, не желание, не мечта. Это нечто большее. Это целый механизм, который работает на износ, когда у тебя есть цель. Это ключ. Кнопка, которую нужно нажать, чтобы начать, продолжать и не останавливаться.

– И как я пойму?..

– Когда найдешь движущую силу, тогда и поймешь, что это, – ответил он, незаметно перейдя на «ты». – Начало ты уже положила. Поставила перед собой цели. Чем больше желаний, тем больше шансов найти то, что ищешь. А как я понял, желаний у тебя много.

Я приподняла брови, припоминая те две третьих стены, что я обклеила в начале недели.

– Прибереги самую сокровенную мечту, которую ты, наверняка, не возвела в статус цели.

– У меня нет таких.

– У людей часто самые сокровенные мечты – несбыточные. И не потому, что они недостижимы, и не потому, что выбраны не те средства. Просто нет генератора внутренней энергии. Стоит его найти, и он будет, как вечный двигатель, который стоит запустить лишь однажды, чтобы он работал вечно.

– Я не знаю, что делать, – я призналась честно, ведь я и вправду не знала, что искать, где искать. Ко всему прочему еще не совсем понимала зачем.

– Я могу дать тебе лишь одну подсказку. Есть две основные силы, которые толкают человека либо к пропасти, либо к успеху. Есть и те, кто, попадая в пропасть, оказывается на вершине своего успеха. Это две самые мощные силы, которые растут внутри слабых людей, обла-

дающих потенциалом сильных. Это ненависть и желание. Ненависть к той жизни, что есть. Она обычно разрушает тех, кто не может найти то, что сейчас должна найти ты. И желание новой жизни. Это обычно мощное желание, но намного слабее человеческих слабостей – страха, лени, неуверенности, трусости. . . Лишь когда обе эти силы срастаются корнями в разуме и начинают толкать к поиску, тогда человек становится хозяином своей собственной жизни. В ней исчезает судьба как случай и остается лишь судьба как путь.

Он говорил так много и такими словами, что у меня было желание записать все в свой блокнот и прочитывать это каждый раз, когда я в очередной раз буду откладывать на завтра то, что могла сделать еще месяц или год назад.

– Вспомни, что тебя привело сюда. Вспомни, почему ты оказалась здесь. Я имею в виду, не почему начала искать старика, – он усмехнулся. – А почему оказалась здесь, в этом доме?

– Потому что, – мне казалось, я могла ответить на этот вопрос.

– Мне не нужно говорить. Я знаю, что это. Теперь и ты должна понять, что это.

Большие часы в углу гостиной в стиле барокко, собственно, как и все остальные в зале, пробили одиннадцать часов. Я не знала, что мне делать. Возвращаться домой было поздно: в дороге я бы просто уснула. Напрашиваться на ночлег мне не хотелось. Я ждала, когда Мистер Старик предложит мне разместиться в какой-нибудь из комнат, которых только на первом этаже было, наверное, больше пяти. Но он оказался не столь гостеприимным, как мне бы того хотелось, поэтому я решила, что мне пора в дорогу.

– Могу я спросить? – я решила задать вопрос напоследок. – Зачем вам все это? Я имею в виду ваше наставничество.

– Я люблю быть у истоков, – ответил он.

– У истоков чего? – я хотела получить четкий, внятный ответ.

– У истоков восхождения.

Что он имел в виду, я совсем не знала. Но у меня был еще один вопрос, который я хотела задать.

– Вы мой наставник. И, я так понимаю, уроки вы мне будете давать раз в неделю?

– Уроки, – он усмехнулся. – Это будет зависеть от тебя. Чем быстрее будешь учиться, тем больше будет уроков.

– Разве не наоборот?

– Двери этого дома всегда будут открыты для тебя до тех пор, пока у тебя будет желание.

– И вы за это ничего не просите? Хорошие репетиторы обычно дорого стоят. А вы, судя по рассказам, один из лучших.

– Мне будет достаточно твоего успеха.

Как и при первой нашей встрече, так и при второй я не поняла, кем был Мистер Старик. Я ничего не узнала о нем, но немного больше узнала о себе. Да и о себе я узнала не так много. Из всего разговора, я поняла лишь одно, что теперь мне постоянно придется что-то искать. А для этого нужно будет постоянно тренироваться что-то делать. Мистер Старик был убедителен во всем, кроме того, что моя главная мечта осуществима. Каким бы мощным ни был генератор, о котором он постоянно говорил, я понимала, что исполнению любой мечты свое время. Время осуществления моей было упущено. И я даже не могла вспомнить, что стало тому виной – неверные наставления или неправильный выбор. . . Но скорей всего, она появилась просто слишком поздно.

* * *

Я не помню, сколько уже прошло времени с момента последней встречи с Мистером Стариком. Может быть, три или четыре недели. За это время мне удалось воспитать в себе немного силы воли, но я до сих пор не знала, что такое движущая сила. Я и забыла, что мне нужно было ее найти.

Этот месяц был для меня временем беспощадной борьбы. Я начинала что-то делать, потом бросала, потом снова начинала, затем снова забрасывала, потом продолжала и в какой-то момент желание бросить у меня пропадало. Я никак не могла уловить этот самый момент, после которого у меня появлялась цель довести начатое до конца. Но так было во всем, что я делала.

Я читала книгу Ричарда Вебстера, изучая линии на своих руках, потом отложила ее, приступив к изучению испанского, который наскучил мне уже на третий день. Решив размять не мозги, а кости я пару раз ходила в зал. Я завела альбом и начала рисовать. Осознав, что я не Мане и никогда им не стану, несмотря на свою страсть к рисованию, а верней к тому, что могут дать художественные навыки, я решила на время отложить это занятие. Потом я снова начала читать Вебстера и когда дошла до сто семьдесят восьмой страницы из трехсот сорока четырех, я полностью погрузилась в хиромантию, несмотря на то, что она требовала много внимания и еще больше терпения, которого у меня никогда не было. У руки была своя география со своими материками, реками и океанами, островками и архипелагами. Закончив изучать пособие для чайников, как я называла «хиромантию для начинающих», я выбрала следующую книгу, которую намеревалась купить в ближайшем книжном магазине. Вместе с хиромантией я решила приобрести несколько учебников и дисков по испанскому. Заняться им снова я собралась, когда, увидев на работе договоры на испанском языке, сумела почти дословно перевести пару фраз. И было совершенно не важно, что эти две фразы были реквизитами в конце договора и о том, как они переводятся, можно было просто догадаться. Для меня стало важно само намерение, а не то, что меня к этому побудило.

Большой частью своих новых, если так можно сказать, хобби я занималась не столько потому, что они в действительности меня увлекали, сколько потому, что мне нравилось тренировать себя. У меня были немалые достижения в освоении многих занятий, но гораздо большие успехи я достигала внутри себя. Я стремительно поднималась вверх по лестнице своих слабостей к двери, за которой скрывалась моя сила. Я чувствовала, как внутри меня что-то крепло. И это что-то сделало меня намного интересней для моих коллег, друзей и даже начальства. Теперь я не выпадала из окружающего мира, а была его частью, как в большом пироге самый лакомый кусочек. Люди стремились ко мне, потому что я могла даром им дать то, что им пришлось бы осваивать несколько недель. А большинство из них, как и я раньше, находили сотни причин, а порой даже довольно объективных, чтобы не делать то, что делала я, а именно заниматься самопознанием, самовоспитанием и самосовершенствованием. Словом не делали ничего, что могли сделать с направленностью исключительно на себя...

* * *

Сегодня была суббота. Несмотря на то, что я заразилась каким-то фанатизмом, который заставлял меня что-то делать, я не вставала раньше, чем было положено. А в выходные положено было спать до тех пор, пока не выспишься. В этом моя философия ни насколько не изменилась. Я проспала примерно до двенадцати, отключив все будильники и телефоны, чтобы ничто не могло прервать той сонной сладости выходного дня. Наконец, проснувшись, я не торопилась встать, а продолжила валяться, как полагается. В этом я тоже насколько не отличалась от всех остальных людей. Наконец, раскачавшись, я приготовила себе завтрак из того, что нашла в холодильнике, и, выпив чай, первое, что сделала – это взяла альбом и разместила на кресле в гостиной.

В ней пока ничего не изменилось, одна стена была вся переклеена картинками, а на другой до сих пор ничего не было. Я решила, что еще ни в одном из своих увлечений я не достигла того уровня, который позволил бы мне оторвать картинку с одной стены и наклеить фото с другой. Ничего из того, что я начала делать, пока не было доведено мной до конца, несмотря на то, что определенных успехов мне все же удалось достичь почти во всем, кроме рисования, которым я практически не занималась.

Я посмотрела на те закорючки в альбоме, которые умудрилась накалякать. Это даже не походило на абстракцию. Тогда я вырвала два исчерканных листа и, взяв в руки остро заточенный карандаш, закрыла глаза, ожидая появление образов.

С детства я неплохо срисовывала, но когда начинала ваять карандашом сама, фигуры у меня выходили уродливыми. Я не могла соблюсти размеры, пропорции. О тени я вообще не берусь говорить. Уроки рисования в школе у меня были самыми любимыми, но после ее окончания страсть мою к рисованному миру здорово притупила реальность. Но в душе всегда оставалось что-то, что заставляло время от времени брать карандаш или кисть. В университете я стала тем, кто всегда отвечал за оформление. Я любила творить. За те несколько лет, что отсидела за студенческой партией, я поняла, что не могу созерцать, я хочу созидать. Но даже если бы я научилась рисовать, мне было бы этого недостаточно. Даже если бы я смогла зарабатывать рисованием, меня не сделало бы это счастливой. Даже если бы мои работы получили признание, мне бы и этого было мало. Я хотела не просто создавать. Я желала придавать материальную форму рисованному миру. Рисование как искусство было для меня ключом к нечто большему, что я не могла сделать. Я мечтала, что люди будут жить в создаваемой мной реальности.

И вот сейчас смотря почти в самый центр стены, на которой я разместила коллаж, я видела целый мир, который был создан не мной, и мечтала, чтобы проекция этого мира отразилась на стене не моих желаний, а моей реальности.

– У меня нет ни единого шанса, – я закрыла альбом и положила его подальше, чтобы руки потом не тянулись снова за него взяться. Я решила немного побегать. Надев толстовку и спортивные штаны и натянув на голову бейсболку, я отправилась на улицу.

Было довольно прохладно. Я накинула на голову капюшон и, воткнув наушники, побежала вдоль дороги по улице, не оглядываясь на прохожих, которые судя по всему сочли меня за спортсменку. Жила я в самом центре города, и у нас почему-то было не принято бегать. Считалось, что если ты хочешь заниматься спортом, то ты должен пойти в фитнес-клуб, тренажерный зал или в бассейн. Я решила погрузиться в свои мысли, которые что-то неразборчиво, но довольно громко мне говорили. Я хотела услышать себя, поэтому окружающие люди меня совсем не волновали.

Я пробежала, наверное, около двух километров, хотя если быть точнее, примерно треть пути я все же прошла. Я если быть еще точнее, то прошла я две третьих пути. За несколько недель, я неплохо натренировала разум и волю, но не тело. Я почувствовала, как к ногам выше колена прильнула кровь и появился какой-то зуд. В горле у меня все пересохло, а в легких словно скопилась мокрота – все из-за влажной прохлады. Мне почему-то стало так хорошо, что я решила прогуляться до парка. Все время по пути я думала о Мистере Старике и о его словах: «Когда найдешь движущую силу, тогда и поймешь, что это». Я нашла ее. Я совершенно точно знала, что нашла ее, но я так и не смогла понять, что это такое. Желание узнать об этом толкало меня снова отправиться в Холи Форест. И я бы сделала это, если была бы уверена, что он даст мне ответ на вопрос. Ко всему прочему было еще что-то, что меня останавливало. Я боялась привыкнуть к наставничеству. Странно, что этот страх во мне появился так рано, ведь я всего два раза была у Мистера Старика, но уже чувствовала зависимость от его назиданий.

Я нашла движущую силу. Но несмотря на обретение источника энергии, генерирующего действия, беспокойство внутри меня лишь усилилось. Мне казалось, что внутри меня этой энергии становится слишком много и все, чем я сейчас занимаюсь и буду заниматься, не способно прожечь ее всю. Я должна была начать поступательное движение, но не могла, потому что не знала направления.

* * *

День прошел совсем не так, как я планировала. Я подвела итоги того, что мне удалось достичь. Это, конечно, были не рекорды, но результаты близкие к ним. Меня угнетала лишь

одна мысль – одна слабость все же была намного сильнее меня. Если решительность изменить жизнь у меня поднялась на несколько пунктов, то смелость как была в минусе, так и оставалась. Работу я свою продолжала ненавидеть. Просыпаясь утром, я уже думала, как вернуться домой. В перерыве на обед я не приходила раньше ни на минуту, а уходила, не задерживаясь ни на секунду. Несмотря на это, я не искала новую работу и никак не реагировала на поступающие мне предложения, сама не зная почему, я стремилась к переменам, к непредсказуемости в жизни, но неизвестность меня дико пугала, заставляя забиться в своем рабочем уголке за кучей папочек. Ко всему прочему, я даже не знала, чем я хочу заниматься. Я знала лишь одно, где я совершенно не хочу работать – это место было там, где я работала уже около трех лет.

Я снова села в кресло, доедая кекс, который судя по времени, был уже моим ужином. Сегодня мне не хотелось заниматься испанским, не хотелось читать Вебстера. Но внутри меня словно кто-то шептал заклинание. Я снова достала альбом, который не планировала брать в руки ни сегодня, ни завтра, ни через месяц и посмотрела на его белоснежные листы.

– Есть мечта. И пусть ей никогда не сбыться в нашей Вселенной. Так пусть хотя бы во Вселенной, которая умещается в этой маленькой комнате, будет построен мир, реальный для твоей мечты, – подумала я про себя.

Я взяла в руки карандаш и начала делать наброски. Мои каракули совсем не напоминали художника, дизайнера или инженера. Сейчас у меня и не было цели научиться рисовать. Для меня была важна не форма. Я искала содержание, которым бы потом наполнила эту форму. Я искала идею, которая меня вдохновит. Но пока мне было достаточно и того, что меня вдохновляет сам поиск.

* * *

Прошла очередная будничная неделя, на которой я убила еще пять дней своей жизни. С понедельника мое желание снова отправиться к Мистеру Старику лишь усиливалось, а в среду я уже окончательно перестала с ним бороться и решила, что в конце недели снова отправлюсь к нему. Не могу сказать, почему мне так хотелось снова услышать своего наставника, хотя я к нему и не относилась как к наставнику в полном смысле этого слова, и у меня даже язык не поворачивался его так называть, но иногда в мыслях у меня все же вырывалось это слово.

Я не знала, что именно хочу у него спросить и вообще хочу ли я что-то спрашивать. Так или иначе, я уже пронеслась полпути на своей машине по полупустой дороге. Я, как обычно, слушала музыку, на переднем сидении у меня лежал альбом, который я всегда носила с собой. Рисование превратилось в какое-то наваждение, поэтому, как только у меня выдавалась свободная минутка, чтобы начертать что-нибудь на белых листах, я тут же принималась это делать. О том, насколько сильна была моя новая, точнее забытая старая, страсть легко можно было догадаться по тому огрызку, что осталась от моего карандаша и ластика.

Я не переставала думать, зачем я еду к Мистеру Старику и что ему скажу. Я чувствовала, что говорить слова благодарности еще слишком рано. Понимая, что я научилась лишь самому малому – жить. Но теперь я хотела еще и понять, как именно я должна это делать. Я чувствовала, что мне еще нужно найти то самое главное, о чем он постоянно говорил – путь или смысл жизни или и то, и другое. Это желание становилось сильнее меня по мере того, как во мне крепла ненависть к тому, чем я занимаюсь. Те основополагающие движущие силы, о которых он сказал мне в прошлый раз, теперь толкали меня к нему.

* * *

За тот месяц, который я здесь не была, ничего не изменилось. Дверь по-прежнему была не заперта, у камина все также стояло большое кресло, а на столике рядом с ним уже были чайник и две чашки.

– Мистер Старик? – я спросила, едва переступив через порог.

– Я думал, ты приедешь раньше, – послышался его голос откуда-то сверху. Он спускался с лестницы все в том же домашнем свитере и очках. В руках у него была та же книга, которую он читал в прошлый раз, чему я очень удивилась.

– Да я и сама так думала, – я прошла в гостиную и, как обычно, села напротив кресла хозяина дома.

Мистер Старик не спеша спустился по скрипящим ступенькам и первое, что сделал, подошел к столику и налил нам чаю.

– Вы всегда знаете, когда я приеду? – меня удивило, что все словно было готово к моему приезду.

Он ответил через минуту, когда я почти забыла, о чем спрашивала:

– Вот уже семь лет я пью чай в одно и то же время. А ты каждый раз приезжаешь в пятницу в это самое время.

– Вы лукавите, – я усмехнулась. – Вы ведь не хотите сказать, что пьете каждый день из двух чашек?

– Вторая чашка заготовлена для неожиданных гостей, таких, как ты, – ответил он так, словно не боялся меня обидеть. Он поставил чашку рядом со мной и, взяв в руки свою, уселся в кресло.

Я ждала, что он поинтересуется, почему я снова оказалась здесь, или просто спросит, как у меня дела. Но, судя по всему, диалог должна была начать я, поэтому мне ничего не оставалось, как задать нелепый вопрос:

– Вы разве не должны были дочитать эту книгу еще месяц назад?

Он посмотрел на книгу, а потом на меня, как бы взглядом спросив, с чего это я взяла.

– В последний раз, когда я приезжала, вам оставалось прочитать от силы листов десять, – пояснила я.

– Я читаю эту книгу уже семь лет, – по точке, которую он поставил в своей фразе, я поняла, что ответ на этот вопрос мне не получить. Тогда мне ничего не оставалось, как рассказать, чем я занималась все это время. Я старалась сделать так, чтобы мое повествование было предельно подробным, и Мистер Старик сам смог мне ответить, зачем я снова приехала к нему.

– Я вижу, тебе удалось найти движущую силу, отсутствие которой тебе мешало жить, – заключил он и тут же добавил. – Так зачем же ты снова приехала сюда?

Как я ни старалась, но избежать этого вопроса я не смогла. Он лучше меня знал, почему я снова сижу напротив него, но почему-то хотел услышать от меня то, чего я совсем не знала.

– Вы обещали мне, что я пойму, что есть движущая сила...

– А ты разве не поняла?

– Я знаю, что теперь она есть внутри меня, – я сделала паузу.

– Это твоя движущая сила, а не моя, – он усмехнулся. – Откуда мне знать, какая она?

– Но вы ведь знаете?! – мне казалось, он надо мной издевается.

– Конечно, знаю, – он посмотрел мне в глаза. – Не нужно быть мудрецом, чтобы понять это. Да и ты сама мне все рассказала.

– Когда?!

– Стоит внимательней относиться к смыслу слов, которые произносишь.

У меня было ощущение, что я вернулась в те годы, когда у меня принимал экзамен преподаватель по мировой экономике. Он также, как и Мистер Старик, любил задавать наводящие вопросы, как бы давая этим самым подсказки. Но, как и в те годы, никакие подсказки мне не могли мне помочь, когда я о чем-то просто не знала.

– Ты сама не раз замечала, что самые большие усилия требуются, чтобы что-то начать, – он сделал паузу. – Чуть меньше усилий требуется, чтобы продолжить начатое. И практически никаких усилий не требуется, чтобы довести это до конца. Словом, во всем, что ты делаешь, тебе нужно преодолеть треть или половину пути, в зависимости от того, что ты делаешь.

После его слов в моей голове выстроилась цепочка из событий моей жизни. Теперь все стало настолько очевидным. Мне стоило быть немного внимательней, чтобы увидеть то, что можно было увидеть невооруженным глазом. Как я не заметила этого, когда еще в первый раз приехала сюда и отправилась к холмам.

– Ошибка многих людей заключается в их невнимательности к собственному «я», – ответил Мистер Старик. – Я бы сказал, что цель твоей поездки достигнута, если бы ты приехала сюда только за этим... Но я не буду побуждать тебя к тому, чтобы ты бросила работу, сменила род деятельности, круг людей, город.

– О чем это вы?

– Все, чем ты занималась до сегодняшнего дня, несомненно, тебе пригодится, – он сделал несколько глотков и, опустошив свою чашку, снова налил в нее чая. – Мы довольно смешно устроены. Большинство вещей, которыми мы занимаемся, в будущем нам будут полезны. Но иногда мы тратим слишком много времени на них. Иногда даже десятки лет вместо нескольких недель. Конечно, намного чаще такими полезными вещами мы совсем не занимаемся из-за причин, которых не меньше, чем миллион.

– Что вы хотите сказать?

– Все, что ты сейчас делала... Испанский, хиромантия, спорт, рисование – все это нужно было лишь для того, чтобы укрепить твои силы в достижении нечто большего. Я бы сказал «самого главного»

– Но что самое главное?

– У тебя же есть мечта? – спросил он.

– Есть, но это всего лишь мечта, – я начала так быстро говорить, что он, наверное, едва меня понимал. – Она несбыточна. Не реальна к осуществлению. Это нечто абсолютное, неисполнимое, но греющее душу. Мне просто хорошо от того, что она есть.

– А есть что-то, что можно было сделать целью?

– Да. Владеть в совершенстве испанским...

– Нет, нет, нет, – он отмахнулся от меня так, как будто я говорила какую-то чушь. – Это все ерунда. Это всего лишь бранные земные желания. Это вовсе не мечта. Мечта на пару уровней выше обыкновенных амбиций и увлечений. Намерения твои не столь плохи, но для мечты отличное знание испанского – слабовато.

– Я не понимаю, что вы хотите...

– Вопрос не в том, чего хочу я. Вопрос в том, чего хочешь ты, – он был как-то чрезвычайно взволнован, не как обычно. – Так у тебя есть другая мечта или нет?

– Изменить жизнь...

– И это тоже для мечты не годится. Это основополагающая движущая сила желания. Не путай!

– Тогда я не знаю, – я покачала головой.

– Тогда нет, – он был категоричен. – Не веришь в мечту, откажись от нее сразу. Забудь. Запечатай. Закопай. Не засоряй поле энергии вокруг себя, иначе прочие цели будет сложнее добиваться.

– Она не мешает мне жить!

– Ты ошибаешься. Мечты, в осуществление которых мы не верим, не просто мешают нам жить, они медленно убивают в тебе вдохновение к жизни, а движущие силы внутри тебя слабеют, – он встал с кресла. – Скажи слепому художнику, что его мечта рисовать была нереальной. Если есть мечта, значит, есть способ ее достичь, иначе бы ее просто не было. Мечта, как болезнь. неизлечимых нет, есть такие, против которых не нашли лекарства. Подумай над этим до следующего своего приезда.

– Что значит до следующего? – я была жутко возмущена сегодняшним разговором. И вообще в этот раз я планировала не ехать в дорогу ночью.

– Следующий раз будет тогда, когда у тебя появятся новые результаты. Достигнутые мы уже с тобой обсудили...

– Вот это вы и называете наставничеством? – я чувствовала, как от негодования к моим вискам подкатывала кровь, которая кружила мне голову. – Возомнили тут себя, Бог знает кем. Типа учите меня жизни. Только посмотрите как?!

– Не думай о способах, которыми я тебя обучаю. Думай о том, чему я тебя обучаю, – он отправился наверх, повернувшись ко мне спиной. – Кстати на первом этаже можешь выбрать любую из гостевых комнат и остаться до утра.

Несмотря на то, что это была уже третья встреча с Мистером Стариком, ему удавалось сохранять свою непредсказуемость. Меньше всего я ожидала, что он мне предложит ночлег в доме, именно поэтому я решила, что поеду домой именно сейчас, независимо от того, насколько я устала и хочу спать. Я отправилась напрямиком к машине, завела мотор и рванула по дороге во все сто двадцать.

* * *

Все были на совещании. Я отложила всю работу и достала свой альбом, в котором осталось всего около десяти чистых листов. Я просмотрела картинки и увидела, что некоторые из них были не так плохи. Конечно, по-прежнему страдали пропорции, и неправильно была наложена тень, но в целом смотрелось не совсем жалко. Я крутила в руке карандаш, думая над словами Мистера Старика.

– Не веришь в мечту, откажись от нее сразу. Забудь... Запечатай... Закопай, – моя память дословно воспроизводила эту его фразу, которая просто впечаталась в мой разум. Лишь спустя полтора месяца после последнего нашего диалога я четко осознала, зачем я тогда приехала к нему. Мне нужна была подсказка, где искать смысл жизни. И теперь я все думала, ответил он мне тогда на этот мой вопрос или какой-то другой. Почему он тогда заговорил о мечтах.

Я думала об этом постоянно, когда бегала по утрам перед работой и перед сном, когда учила испанский или читала книгу, когда готовила ужин, бегала в перерывах на обед и даже когда представляла отчеты для высшего руководства. Но гораздо чаще я думала об этом, когда рисовала. И вот сейчас я снова и снова листала свой альбом, а в голове эхом все также отчетливо раздавались:

– Не веришь в мечту... Забудь... Запечатай...

Я обратила внимание на один рисунок или схему, которую нарисовала перед приездом к Мистеру Старик. По сути он был похож на рисунок пятиклассника, но было в нем нечто любопытное. Он отделял рисунки, которые я сделала до приезда в Холи Форест и после. И отличались они друг от друга не по содержанию или технике, а по количеству. Гораздо больше было тех, что я набросала после возвращения, после того, как услышала эти страшные для себя слова «запечатай, закопай, забудь».

Я должна была принять важное для себя решение. Я должна была порвать альбом, в котором искала идею, но пока не нашла, и забыть о том, что мне никогда не суждено сделать. Но я совсем не хотела этого делать. Мои желания и намерения никак не могли пересечься в одной точке.

– Скучаешь? – в кабинет зашел Эван, и я тут же закрыла альбом и закинула его в шкаф, но вопроса избежать мне не удалось.

– Я не вовремя? – он улыбнулся.

– Нет, что ты, – я покачала головой. – Ты что-то хотел?

– Да, спросить, как у тебя дела. И забрать отчет, который ты обещала мне занести еще вчера.

– Прости, я немного закрутилась, – я начала искать в своих завалах нужную папку. Но Эван меня опередил, в руках у него уже было все, за чем он пришел.

– Ты ведь здесь совсем недавно? – я не знаю, почему решила поинтересоваться, наверное, чтобы поддержать разговор.

– Да и хочется верить ненадолго, – он осматривал кабинет, шкафы и сертификаты, что висели на стенах.

– Почему?

– Скажем так, эта работа – мое временное пристанище, пока я думаю над нечто более существенным.

– Над чем это? – я усмехнулась и принялась снова за финансовый анализ.

– Я люблю путешествовать...

– Чтобы путешествовать, нужны деньги, а деньги можно только заработать. Такова суровая реальность.

– По этой причине я здесь, – он театрально сделал поклон. – Пока мне все жутко нравится. Все такое новое. Пока ничего не наскучило, не надоело.

– Разочарую тебя, рано или поздно это ощущение пройдет, – я заверила юношу, который был младше меня, наверное, на год.

– Да, тут я с тобой согласен. Поэтому уже сейчас я думаю над тем, где я буду в это же время в следующем году.

– Что ты имеешь в виду? – мысли моего коллеги заставили меня отвлечься от цифр.

– Ну знаешь этот первый взгляд... Не знаю, как это объяснить, – он присел на соседний стол и посмотрел в окно. Я не стала вставлять в паузу какие-то фразы, а решила просто дожидаться, когда он скажет то, что хотел сказать.

– Мир никогда не будет таким, каким он был, когда ты в первый раз взглянула на него, – он снова сделал маленькую паузу, видимо, хотел более четко сформулировать свою мысль. – Ну, сама вспомни, все окружающее казалось намного интересней, когда ты только начинала его познавать. Этот первый взгляд, когда ты переезжаешь в другой город. Первый взгляд, когда оказываешься на новой работе. Первый взгляд, когда встречаешь новых людей. Да просто когда начинаешь заниматься чем-то новым. Первый новый взгляд на новую жизнь. Понимаешь?

– От части, – он говорил настолько вдохновенно, что я совсем забыла о работе.

– Я хочу сохранить такой взгляд как можно дольше, – заключил он, – поэтому я решил, что буду все кардинально менять один раз в год. И мне все равно, если кто-то меня обвинит в непостоянстве.

– Почему именно один раз в год? А не чаще или, наоборот, реже? – мне на самом деле было интересно, почему он обозначил именно такую периодичность.

– Все это так сложно объяснить, – он уже в третий или четвертый раз пересел, как будто искал место, где ему было бы легче изъясняться. – Скажу, наверное, совсем банальную фразу, но жизнь циклична. Самый главный цикл нашей жизни – это год. Так, проходит один цикл, начинается новый, и ты всегда вспоминаешь, что было в то же самое время, но в прошлом году... Нужно постоянно работать над своим настоящим, чтобы в будущем были такие воспоминания, которые заставляли бы тебя жить с еще большим энтузиазмом и интенсивней работать над воспоминаниями для нового будущего. Как-то так... Так что неизвестно, где я буду через год, но могу сказать точно, здесь меня не будет.

Открылась дверь, и в кабинет зашли мои коллеги по отделу. Судя по всему, совещание закончилось, а я даже не заметила, как пролетел целый час. Они перекинулись с Эваном парочкой бессмысленных фраз, и он, подмигнув мне на прощание, отправился к себе, пожелав всем удачи. Я еще долго думала над его словами и в течение дня все пыталась вспомнить, когда в последний раз смотрела на мир новыми глазами.

* * *

Сегодня я вернулась домой необычайно уставшая. Мне совсем ничего не хотелось. На столе валялся зачитанный Вебстер и диски с курсами испанского для начинающих. Я уже не

могла назвать себя начинающим, поэтому прикоснуться к дискам у меня не было ни малейшего желания, да усталость отняла у меня внимание, которое требовалось для изучения хиромантии. Словом, сегодня я решила просто поужинать и пораньше лечь спать. Но привычка что-то делать после ужина совсем не давала мне покоя.

Я легла спать, но уснуть не смогла. Так проворочавшись часа два, я встала, включила свой ноутбук и залезла в интернет. В поисковике я забила «архитектурное макетирование». Нашлось более шестидесяти тысяч страниц, которые рассказывали о технологиях изготовления макетов. Прочитав несколько статей, я поняла, что начала совсем не с того.

Я достала из лежавшей на диване сумки свой альбом и снова начала его листать, пытаюсь найти потенциал художника, чего мне не удалось. Тогда я взяла свой блокнот и по пунктам принялась составлять небольшой план.

– Без знания азов мне не обойтись, – мысль, которая прозвучала в моей голове отозвалась глубоким вздохом и громким выдохом. – Пункт первый, вечернее образование в архитектурной академии. Надеюсь, мне хватит моей зарплаты, чтобы его оплатить.

Я еще раз просмотрела свой альбом, в котором увидела прогресс, но он был слишком незначительный, поэтому следующий пункт, который я записала, звучал как «курсы по академическому рисунку и живописи».

– Рисовать не плохо этого для меня недостаточно. Мне нужно рисовать хотя бы хорошо, – я рассуждала вслух, и тут же на ум мне пришел уже третий пункт. – Макетное проектирование. С этим, наверняка, будет намного сложнее.

Я еще немного подумала и подвела черту под написанным. В моем плане было всего лишь три пункта. Но я боялась думать о сроках, по истечении которых эти пункты будут реализованы. С теоретической частью своего плана по достижению цели, в которую я возвела свою мечту, я закончила. Осталась часть практическая, пожалуй, самая сложная. Она требовала от меня многочисленных расчетов как времени, так и материальных затрат. Поэтому я отложила разочарование на завтра.

* * *

Наступило то самое завтра. Я, как обычно, встала, умылась, приготовила себе завтрак, выбрала, в чем пойду на работу. Допив утренний кофе, я пошла в гостиную, чтобы взять сумку. На столе лежал мой ежедневник, открытый на странице с планом, который я вчера считала гениальным. Я прочитала все три пункта, и они вызвали у меня лишь усмешку, потому что за всю жизнь о большей чуши, чем эта, я еще ни разу не задумывалась. Я кинула блокнот в сумку, тут же забыв, о чем вчера писала, и отправилась на работу.

День прошел хуже некуда. Меня все ужасно раздражало, я не могла сконцентрироваться, сделала несколько ошибок в очень важных отчетах, поэтому мне полностью пришлось все переделывать. На доработку и исправление у меня ушла половина рабочего дня. Все остальное время я опять что-то делала, даже не помню что, просто делала, потому что нужно было делать, и у меня не было выбора. У меня сегодня вообще не было ни минуты, чтобы задуматься о том, чего я хочу. Не было ни минуты подумать о том, чтобы я выбрала, если бы у меня был этот выбор. По сути, он всегда у меня был, но было намного легче думать, что его нет. Всю текущую работу я разгребла лишь к концу рабочего дня. Прежде чем отправиться домой, я разнесла папки с документами по отделам, откуда они поступали мне для подготовки финансовых заключений.

Перед самым выходом я зашла в пятьсот тринадцатый кабинет, чтобы отдать отчет по компании «Три Джи». Ею занимался Эван, которого, естественно, уже не было на рабочем месте. Я положила материалы и распечатанную сводку прямо на стол и собиралась уже уходить, как нечаянно задела папку на краю стола, которая тут же рухнула на пол. Следом за ней на пол посыпались журналы «Travel». Я тут же принялась их собирать. Судя по их количеству, Эван не пропускал ни одного выпуска. Из некоторых журналов даже были вырезаны какие-то

картинки, из чего я сделала вывод, что составлением коллажа занималась не я одна. Наконец, сложив все, как было, я отправилась домой.

* * *

Я снова не могла себя заставить что-то делать. В моем организме появилась слабость, о которой я почти забыла. Снова безразличие и апатия. Сначала я словно в панике металась по комнате, а потом легла на диван, на котором не валялась, наверное, уже больше двух месяцев.

– Нужно ехать, – нашептал мне внутренний голос.

Не став дожидаться пятницы или субботы, я схватила свою сумку и отправилась к выходу.

* * *

Мистер Старик не ждал меня. Но несмотря на то, что я вновь была неожиданным гостем, я не увидела в его глазах удивления или чего-то в этом роде. Он был, как всегда, спокоен и размерен и сидел в своем любимом кресле. В руках у него была все та же самая книга. У меня складывалось впечатление, что вся его жизнь протекала возле этого камина, совсем как у меня – возле дивана.

Я практически сходу начала рассказывать о том, что меня тревожило. Я все время переключалась с одной темы на другую, но, несмотря на это, он уловил суть всего, что я говорила, и даже сумел вычленил главное.

– Я тебя предупреждал, что силы будет отнимать мечта, в которую ты не веришь. Если ты до сих пор от нее не отказалась, то будь готова к тому, что снова вернешься к прежнему состоянию.

– А если я уменьшу масштабы своей мечты до цели, которую я вполне могу достичь? – спросила я.

– Масштабы цели значения не имеют, – он ответил кратко, – если ты пройдешь одной длины путь. Если же этим ты хочешь его сократить, то ты лишишься возможностей, которые будут именно на этом пути, а не на более коротком. А часто именно длинный путь более щедр на подарки судьбы.

– Но мое ощущение реальности меняется в зависимости от времени суток. Вечером оно одно, утром – совершенно другое. Ночью я полна решимости сделать то, мысли о чем на следующий день я даже боюсь кому-то озвучивать...

– То, что задумала, делай немедленно, – он перебил меня, не дав договорить. – Делай прямо сейчас. Не откладывай до завтра, даже если на дворе два часа ночи. Хочешь рисовать, рисуй. Хочешь читать, читай. Танцевать – танцуй. Хочешь сшить костюм динозавра, просто потому что хочешь, начни кроить прямо сейчас. Эти идеи утром всегда будут казаться бредовыми. Ты это не изменишь. Но то, что ты сможешь сделать за эти несколько часов ночи, смогут изменить твою жизнь настолько, что утром у тебя язык не перевернется назвать все это чушью. Решительности сильней, чем в тот момент, когда она появилась, никогда не будет.

– Это значит...

– Это значит, – он снова не дал мне договорить, – что тебе стоит начать уже сейчас...

* * *

Я проснулась рано. На улице было еще темно. Сон покинул меня намного раньше, чем прозвенел будильник. Я даже не сумела добраться вчера до своей кровати: уснула прямо в одежде. На полу валялся блокнот. Под стол закатилась ручка. На столе лежал включенный ноутбук, а рядом с ним были разбросаны газеты. Я проспала от силы часа два или три, всю ночь проведя в поисках. Я подняла свой ежедневник, на последней страничке которого были отображены результаты моих поисков – телефоны, адреса, контакты. Самым шокирующим из всего были расценки. В полудреме я умудрилась даже построить табличку, в которой рассчитала все единовременные и ежемесячные расходы. Не знаю, какая из цифр меня пугала больше, наверное, та, которую я была вынуждена откладывать со своей зарплаты каждый месяц.

– Что ж, если реализовывать все пункты своего плана одновременно, мне придется тратить две третьих своей зарплаты на обучение. Но если реализовывать задуманное по пунктам, придется потратить две третьих своей жизни, – первый вариант мне определенно подходил больше, чем второй.

Единственным учебным заведением, в котором я могла получить вечернее архитектурно-строительное образование, была Академия строительства и инженерии, находившаяся примерно в ста милях от моего дома в соседнем городе. Занятия там проводились три раза в неделю на буднях, а это значило, что в эти три дня примерно четыре часа я должна была проводить в дороге. Обучение в академии составляло долгих два с половиной года. Итого двенадцать часов в неделю, сорок восемь часов в месяц, пятьсот семьдесят шесть часов в год, одна тысяча четыреста сорок три часа или два месяца своей жизни я должна была просто проехать.

Учреждений, в которых можно было пройти курсы академического рисунка и живописи, было намного больше. Но я решила остановить свой выбор на двух художественных школах, о которых нашла самые лучшие отзывы. Поскольку меня с трудом можно было назвать художником, мне нужны были самые лучшие учителя.

А вот макетное проектирование, судя по всему, мне предстояло освоить самостоятельно с помощью учебников. Перечитав все объявления в газете и просмотрев все сайты, я нашла курсы по дизайну интерьера, ландшафтному дизайну, компьютерной графике. Словом, обучали практически любому искусству, но за преподавание технологии изготовления архитектурных макетов никто не брался. Поэтому рядом со сметой расходов были записаны фамилии авторов и журналы, которые рекомендовали в интернете.

Я потеряла глаза. Обвела несколько записей в жирную рамку. Сегодня я планировала... Хотя я говорю не совсем так... Сегодня у меня было твердое намерение разузнать обо всем более подробно. Мне нужно было позвонить по пяти телефонам, за шестьдесят минут обеда успеть съездить в художественную школу и уйти на час раньше, чтобы отправиться в Академию. Я достала из своего потайного шкафчика, который всегда закрывала на ключ, все свои сбережения. Пересчитав деньги, аккуратно положила их обратно в конверт, который потом засунула во внутренний карман сумки. Я планировала пополнить свой крошечный вклад в банке в конце недели, но теперь мои приоритеты заметно поменялись.

Я, как обычно, привела себя в порядок: уложила волосы, собрав их на затылке в плетеный пучок, надела выглаженную розовую блузку с жабо на груди. Припудрив лицо, я накрутила намного ярче, чем обычно, глаза. Наконец, я была почти довольна своим внешним видом. Но заметив, что мне не хватает изюминки, я пошарила в шкатулке, в которой хранилась вся моя коллекция бижутерии, и нашла браслет, состоящий из трех колец. Пока я ковырялась, подбирая украшения, я не заметила, как пролетело время, которое обычно отводилось на завтрак. Так почти на ходу сделав несколько глотков растворимого кофе, я накинула пальто и, стуча каблуками по ступенькам, побежала в офис.

* * *

С утра я сделала все звонки, которые запланировала, и уточнила все, что хотела. На обед я ушла на полчаса поздней, поскольку меня задержал Джек, коллега с седьмого этажа, который был не доволен тем, как я представила в таблице отчетные данные. По вкусу ему не пришелся и цвет линий на графиках, да и столбиковые диаграммы, по его мнению, куда лучше представляли динамику и структуру валовых показателей доходов, чем кругловые. Я уже почти вышла из кабинета, как зашел он и недовольно кинул мне на стол папку даже не с просьбой, а именно требованием немедленно все переделать. И случись у меня чрезвычайное происшествие дома, я все равно не смогла бы возразить Джеку, ибо коллегам с седьмого этажа никто не возражает – такова была система. А учитывая, насколько уровней я была ниже седьмого, систему мне было не преодолеть.

Все девочки с моего отдела разбежались, кто куда, и ни одна не изъявила желание мне помочь. Единственное, что я услышала, так это сожаление, что мне придется проторчать весь обед на работе из-за прихоти этого самовлюбленного осла и предложение купить мне в Макдональдсе латте и двойного чизбургера. Но никто не догадывался, что время обеда было мне так нужно не для того, чтобы забить свой желудок всякой дрянью.

Я переделывала сводку и постоянно смотрела на часы. По закону спешки, чем быстрее я пыталась расправиться с тем, что меня задерживало, тем медленней у меня это получалось. Перемещая данные, мне приходилось копировать формулы, поэтому все расчеты путались. Я все время смотрела на часы, и когда их стрелки коснулись двадцати минут, я подумала про себя:

– Ладно, в школу можно будет съездить завтра. Сегодня все равно середина недели, а заниматься начну со следующей.

Я немного сбавила скорость, привела в порядок алгоритм расчетов. Как только я увидела, что пришла к тем же самым результатам только в другом представлении, я перестроила все диаграммы, сделав их немного бледней, чтобы в глаза не бросалось то, на чем была построена вся презентация Джека – на иллюзии инвестиционной привлекательности. На все это у меня ушло около десять минут. Я распечатала расчеты и диаграммы и вложила их в папку, снова сев за свое рабочее место. Я уже отступилась от мысли завершить задуманное, так и не начав запланированное. Но именно сегодня я была полна решимости сделать все то, что завтра вызовет во мне сомнение, то, что через неделю я забуду. И еще одно мое твердое намерение превратится в когда-то былую мысль, которую я положу в шкатулку нереализованных идей рядом со шкатулкой, в которой храню бижутерию. Тогда я осознала это, даже время не в силах было меня остановить. Руки сами схватили смятое подо мной пальто. Прямо на ходу я повязала на себе шарфик и пронеслась мимо Эвана, который что-то крикнул мне вслед. Но на бегу я даже не сумела разобрать его слов.

На полусогнутых ногах, которые уже ломало от боли, я пробежала по лестнице на цокольный этаж и сразу оказалась на парковке. У меня было тридцать минут. Я могла опоздать. Никто бы и не заметил, если бы я задержалась после обеда. Но я хотела успеть за тридцать минут. Парковка была переполнена, однако я быстренько нашла своего старенького фордика, который ни разу меня не подводил. Ни разу до этого дня. Не знаю, что с ним случилось, но видимо, доведя меня до работы, он сдался в первый раз за всю нашу многолетнюю дружбу. До художественной школы имени Санти было около пятнадцати минут езды на машине, которая мне сегодня отказала. В расстегнутом пальто с сумкой в руках я побежала по всей парковке прямо к выезду, где проход был запрещен. Но этот путь был самым коротким, поскольку именно он выводил на сторону, где в пяти минутах ходьбы или сорока секундах спортивного бега на каблуках располагалась станция метро.

Кто-то крикнул мне в спину, что я сумасшедшая, когда я пробежала, заставив его уступить мне дорогу на выезде из парковки. Я вылетела прям под душ осеннего ливня, который кто-то включил, видимо, мне на зло, пока я бежала по длинным коридорам.

– Не остановлюсь! Не сегодня! – я говорила не кому-то, я говорила это себе. Говорила это не потому, что сомневалась, а потому что я привыкла это говорить. Я твердо решила, что доберусь до школы. Так в расстегнутом пальто на каблуках я бежала прям по лужам, брызги от которых оставляли грязные разводы на моих колготках. Молочный кашемир превращался в пятнистый, а из волос выпадали шпильки, а я все бежала, обгоняя саму себя, и в этом было столько силы. Сила была в намерении, в движении, в стимулах. Мысли превратились в движущую силу, неся меня на высоких каблуках прямо к поезду в метро...

* * *

Надеть новые туфли было моей самой большой ошибкой. К концу дня от каблуков осталась ровно половина. На пятках от жесткой кожи появились кровавые мозоли, а от высоты

каблука у меня выламывало щиколотку. В спешке я несколько раз подвернула ногу, но сумела удержаться и не упасть.

Вечером мне все же удалось завести свою машину, причем с первого же раза. Я даже рискнула отправиться в академию, хотя путь до нее был не самый близкий. Никаких недоразумений в дороге не произошло. Дорога до нее занимала около полутора часов. Я ушла с работы раньше на полтора часа под предлогом, что мне нужно забрать из аудиторской фирмы заключение, хотя повод уйти с работы пораньше был более, чем нелепым, потому что любые документы в нашем офисе забирал курьер. Но никто не обратил на это внимание или мне показалось, что никто этого не заметил. Так или иначе, из клетки мне удалось вырваться немного раньше, поэтому я буквально у порога подловила девушку, которая закрывала дверь приемной комиссии. Она приняла у меня документы, вручила расписание занятий, которые должны были начаться уже на следующей неделе, и посоветовала оплатить обучение в ближайшие дни до субботы.

– Вам чертовски повезло, – сказала она, проверяя, правильно ли я заполнила анкету. – Сегодня был последний день для приема студентов на вечернее образование. Если бы вы не застали меня, то подавать документы вам пришлось бы уже только в следующем году... Где-то со вторника следующей недели вас начнут знакомить с преподавателями.

– А как же вступительные? – спросила я.

– Ваши вступительные это средний балл по диплому от первого образования. Также у вас будет вступительный тест, по результатам которого вас разделят на группы. О дате и времени проведения теста вам сообщат дополнительно.

– А когда он будет, не подскажите?

– Скорее всего, в субботу, – она положила передо мной договор и указала на галочку, напротив которой я забыла поставить свою подпись. – Простите за мой вопрос. Я понимаю, это не совсем мое дело. Но как вы планируете совмещать вашу работу с учебой? Занятия будут почти каждый день и обычно начинаются они в шесть тридцать. Как я понимаю, у вас только работа заканчивается в шесть, а вам еще ехать из другого города. Программа очень сложная, она потребует от вас много внимания, еще больше усидчивости, огромных физических и моральных сил. Конечно, вас никто не будет принуждать посещать занятия, но без их посещения вряд ли вам удастся закончить академию.

– Вы меня отговариваете?

– Ну что вы! Я не отговариваю вас, просто предупреждаю о возможных трудностях. Я оформила около девяноста ребят, и с уверенностью могу сказать, кто из них закончит, а кто бросит.

– И вы думаете, что я не смогу дойти до конца?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.